

Ирина Градова

Диагностика УБИЙСТВА

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Врачебные секреты

Ирина Градова

Диагностика убийства

«ЭКСМО»

2012

Градова И.

Диагностика убийства / И. Градова — «Эксмо»,
2012 — (Врачебные секреты)

ISBN 978-5-699-60502-6

Молодая врач-психотерапевт с экзотическим именем Индира и думать забыла о своем индийском происхождении, когда с ней связался адвокат с известием о смерти ее отца, знаменитого в Индии врача, практикующего традиционную ведическую медицину. Индира – единственная наследница огромного состояния покойного, а также сети клиник аюр-веды. По приезде в Агру Индира выясняет, что вместе с наследством ей досталась куча родственников, каждый из которых имел на него определенные виды. Большой скандал разгорелся вокруг новой клиники отца Индиры, она стала лакомым кусочком для бандитов, местных продажных чиновников и полицейских. Медицинское учреждение построено практически на «золотой» земле, и многие готовы на все, чтобы не допустить его открытия у стен символа любви и верности – великолепного Тадж-Махала...

ISBN 978-5-699-60502-6

© Градова И., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ирина Градова

Диагностика убийства

Пролог

Икбал Сунамджи в третий раз обходил клинику по периметру, потом он пойдет в сторожку смотреть матч по крикету – хотя бы вторую половину. Доктор Варма еще в своем кабинете, но это нормально: за девятнадцать лет работы в клинике Икбал ни разу не видел, чтобы доктор покидал ее раньше десяти. Хотя однажды это все-таки произошло – в день, когда погиб его старший сын Аамир. Но, за исключением этого, ритуал не менялся. Доктор Варма гасил свет в своем кабинете без десяти десять, и тогда Икбал знал, что можно расслабиться и выпить чаю с молоком под аккомпанемент ток-шоу Вира Ананда, начинавшегося в половине одиннадцатого. Но сегодня – крикет, и ничто не сможет помешать Икбалу выяснить, кто сильнее – англичане, привезшие игру в Индию, или индийцы, оказавшиеся прилежными учениками.

Еще раз взглянув на часы, Икбал поцокал языком: этот человек – настоящий трудолюбив. Оно и понятно, ведь сеть собственных клиник дает доктору Варме отличный доход, здесь лечатся звезды Болливуда, местные богачи и иностранцы. И дело расширяется! Икбал краем уха слышал, что доктор строит еще одно здание где-то в районе Тадж-Махала – там, откуда собираются согнать всех бедняков, сровняв их хижины и мастерские с землей. Сестра просила закинуть удочку насчет племянника: не найдется ли там какой-нибудь должности? Наверняка что-нибудь образуется, ведь на новом месте всегда полно работы, а племянничку, слава Аллаху, двадцать шесть стукнуло – хватит на материнской шее сидеть!

Свет в окне доктора Вармы продолжал гореть, и Икбал уныло взглянул в сторону своей каморки: похоже, плакали они оба – и чай с молоком, и крикетный матч! Внезапно раздался тихий, но отчетливый хлопок, словно где-то лопнула крышка. Икбал не сразу сообразил, что звук донесся не с улицы, а сверху, из кабинета доктора. Окно там было приоткрыто, и занавески, раздуваемые свежим вечерним ветром, колыхались снаружи. Почуввав неладное, Икбал перевесил ружье со спины на грудь и быстрым шагом направился к входу в клинику. Несмотря на свои шестьдесят, он одним махом преодолел лестничный пролет и оказался прямо напротив кабинета доктора. Дверь была распахнута настежь, и это было неправильно. Неправильным было и то, что охранник увидел внутри. При взгляде на распростертое посреди кабинета стройное тело хозяина в костюме от Армани Икбал вскрикнул и отшатнулся. Ему не требовалось приближаться, чтобы понять, что Пратап Варма мертв: положение тела и лужа крови, растекающаяся вокруг головы доктора, говорили, что помощь ему вряд ли потребуется. Икбал кинулся к окну в надежде увидеть того, кто это сделал. Однако в темноте мало что удавалось разглядеть, а фонари, щедро расставленные у фасада, плохо освещали эту часть внутреннего двора и сада. Тем не менее Икбал снял с плеча ружье и пальнул в пустоту – просто для очистки совести. Потом он вернулся к хозяину и, опустившись на колени, попытался все же пощупать пульс – чем, как говорится, черт не шутит? Но, как и предполагалось, доктор уже отошел. Тяжело вздохнув и пробормотав короткую молитву за упокой души невинно убиенного, Икбал потянулся к стоящему на столе телефону.

* * *

Сидящая передо мной девушка походила скорее на подростка, нежели на взрослую, сформировавшуюся женщину. Судя по истории болезни, ей исполнилось двадцать три года, но даже удовлетворительный рост не сглаживал впечатления от ее исключительной худобы.

Девушка расположилась напротив окна, и солнечные лучи, проникавшие в кабинет сквозь приоткрытые жалюзи, создавали впечатление полной прозрачности ее тела, как будто передо мной находился бестелесный дух, а не существо из плоти и крови. И голос у этой Марины Афанасьевой оказался под стать внешности – тихий и надтреснутый, словно шелест осенней листвы. Ее привела мать. Кому еще могут быть интересны такие проблемы, кроме как ближайшим родственникам; кто еще станет беспокоиться, уморит ли девушка себя голодом?

Если бы я была обычным психологом, в моем арсенале имелись бы лишь слова. К счастью, я – клинический психолог, а это означает, что я могу реально помочь несчастной. Коллеги со смехом утверждают, что я, мало отличаясь телосложением от большинства своих клиенток, вызываю у них доверие. Вот как вышло, что, несмотря на то что могла бы работать с самой разнообразной клиентурой, я в основном специализируюсь на больных анорексией. Марина согласилась на визит к специалисту лишь потому, что у нее не было кавалера, и девушку пугала перспектива остаться одной. Беда в том, что женщины на этой стадии болезни теряют связь с реальностью и не понимают, что проблема женского одиночества никак не связана с комплекцией. Я – живое тому подтверждение. В мире хватает полных женщин и мужчин, счастливых в любви и семейной жизни. Точно так же много и худых привлекательных представителей обоих полов, вынужденных обходиться без «своей половины». Таковы реалии современной жизни, и именно это мне предстояло постепенно объяснить Марине. Я по опыту знала, что первые сеансы – самые трудные. Женщины сопротивляются лечению. То, что они видят в зеркале, на самом деле не соответствует восприятию окружающих, но убедить их в этом почти невозможно. Каждый раз, принимая новую пациентку, я внутренне содрогаюсь, пытаюсь оценить ее шансы на выживание. Людям, никогда не сталкивавшимся с подобной проблемой, она может показаться несерьезной. Большинство мужчин, включая некоторых моих коллег-психологов и психиатров, считают анорексию блажью, которая при желании легко преодолима, но это отнюдь не так. Анорексия – такая же болезнь, как шизофрения или МДС [Маниакально-депрессивный синдром.], и вырваться из ее тисков без помощи специалиста практически невозможно. Если человека с таким диагнозом оставить наедине с самим собой, он не выживет. Марина казалась мне трудной пациенткой. И ее ответ на мой вопрос, почему она отказывается от еды, это доказывал:

– Потому что я ТОЛСТАЯ!

Я вешу пятьдесят два килограмма при росте в сто семьдесят девять сантиметров, но Марина выглядела, по меньшей мере, в два раза тоньше меня. Да, случай тяжелый, как я и предполагала. А ведь я предупреждала Антона Никифоровича, нашего главврача, чтобы больше не присылал ко мне пациенток: я и так зашиваюсь! Но что делать, если человеку срочно требуется помощь? Как я могу отказать этой девчонке, которая легко загубит собственную жизнь, а заодно и мамашу утащит за собой в могилу? Вот и выходит, что я работаю без выходных и праздников, а Антон Никифорович еще каждый божий день интересуется, когда будет гулять на моей свадьбе – какая, к черту, свадьба, если я не успеваю даже уборку в квартире сделать?!

Негосударственный медико-психологический центр «Авиценна», в котором я работаю вот уже семь лет, поначалу занимался только стоматологией и пластической хирургией. Впоследствии его владелец решил расширить сферу услуг, в результате чего возникла приставка «психологический», и я стала одним из первых клинических психологов, принятых на работу во вновь открывшееся отделение. За прошедшие годы я заслужила определенную репутацию, и все, включая нашего главного, прочат меня на место заведующей, как только наш прежний отправится на покой. Не знаю даже, хочу ли, но если это будет означать хоть немного меньше работы с клиентами и чуть больше времени на себя, то, пожалуй, стоит задуматься!

Поддавив глубокий вздох и, как я надеялась, лучезарно улыбнувшись, я обратилась к пациентке:

– Давайте-ка попытаемся найти истоки вашей проблемы, Марина. И начнем мы с вопроса: кто вам сказал, что вы *толстая*? Вы сами так решили или...

* * *

В моем кабинете телефона нет, как и в большинстве кабинетов моих коллег. На время сеансов я отключаю даже сотовый, так как звонки отвлекают пациентов, а в нашей профессии непредвиденный перерыв на несколько секунд может уничтожить месяцы работы. Поэтому я не удивилась, когда по окончании очередного сеанса в дверь просунулась голова Тимура. Тимур – наш администратор и исключение из общих правил: тогда как в большинстве клиник на этой должности работают симпатичные девушки в коротких юбках, призванные привлекать клиентов своим внешним видом, мы гордимся Тимуром, одновременно являющимся компьютерным гением, слесарем, электриком и секретарем каждого из двадцати специалистов клиники в одном лице. Его внешний вид можно назвать слегка нетрадиционным. У парня длинные волосы, которые он, из уважения к нам, одетым в деловые костюмы, собирает в хилый хвостик на затылке, но на этом его «офисный» прикид заканчивается. Тимур носит кроссовки известных марок и невероятных цветов, драные джинсы и пиджаки спортивного покроя на пару размеров больше необходимого, отчего они свободно болтаются на его высоком, костлявом теле. Несмотря на то что облик Тимура не соответствует занимаемому месту, пациенты от него без ума, как и мы все: если бы не этот парень с мозгом Эйнштейна и руками нейрохирурга во всем, что касается техники, мы бы, попросту говоря, пропали! Так вот, именно его голова просунулась в проем двери в половине первого и провозгласила:

– Тебя к телефону!

Несмотря на разницу в возрасте (Тимуру двадцать четыре), мы с самого начала на «ты», и это кажется нам совершенно естественным. Произнося свою реплику, Тимур одновременно протягивал мне трубку беспроводного телефона.

– *Адвокат* какой-то! – многозначительно выкатывая глаза, добавил он.

– Адвокат?

В самом деле, у меня нет ни одного знакомого адвоката, поэтому странно слышать, что кому-то из представителей этой профессии понадобилась я!

– Индира Пратаповна Варма? – раздался в трубке приятный голос в ответ на мое «алло?». Я подтвердила, все еще недоумевая по поводу звонка адвоката. Однако так как он стал первым человеком в моей жизни, не исковеркавшим мое имя, я решила, что он, по меньшей мере, заслуживает быть выслушанным. – Меня зовут Егор Балашов, я адвокат и представитель фирмы «Баджпаи и сыновья».

– Какой фирмы?

– Это индийская адвокатская контора в Дели.

– Индийская?

Я чувствовала себя глупо, постоянно переспрашивая, но разговор казался мне странным.

– «Баджпаи и сыновья», – продолжал между тем адвокат, – поручили мне разыскать вас в связи с одним деликатным делом, о котором я не могу говорить по телефону. Когда вам удобно подъехать в мой офис, Индира Пратаповна?

Вот, он снова произнес мое имя – без единой ошибки. Что ж, все равно придется его разочаровать:

– К сожалению, у меня очень плотный график, Егор... – я подняла интонацию, рассчитывая услышать отчество, но он сказал:

– Просто Егор, если не возражаете.

– Ну, тогда я – просто Индира, – усмехнулась я в трубку. – Тем не менее в ближайшее время я занята...

– А у вас обеденный перерыв имеется? – прервал он меня.

– В половине третьего.

– Отлично! Предлагаю вместе пообедать и обсудить наше дело. Идет?

Я освободилась позже, чем рассчитывала, но Егор терпеливо ждал меня в кафе за углом, где я назначила встречу. Он оказался невысоким стройным молодым мужчиной, одетым в классический коричневый костюм, безупречно отутюженный, с жесткими стрелками на брючинах. Загар, явно приобретенный в солярии в это время года, подчеркивал яркость вдумчивых темно-карих глаз. При виде меня он приподнялся в приветствии.

– Я так вас себе и представлял, – улыбнулся он, демонстрируя белоснежные виниры.

– В самом деле? – удивилась я.

– Вы поймете – в свое время. А пока что, Индира, присаживайтесь: я взял на себя смелость сделать заказ. Надеюсь, вы не вегетарианка?

– Ни в коем случае! – ответила я, усаживаясь.

За годы работы в «Авиценне» я перепробовала в этом кафе все блюда, поэтому не боюсь отравиться.

– У меня для вас две новости – хорошая и плохая, – сказал Егор, складывая ладони на клетчатой скатерти.

– Начните с плохой, – предложила я.

– Хорошо. Ваш отец, Пратап Варма, скончался.

Это известие не всколыхнуло во мне никаких чувств. В последний раз я видела отца в шесть лет. Дело было в аэропорту, куда он примчался, пытаясь остановить нас с мамой. Та сцена почти стерлась из моей памяти, но осадок от нее, неприятный и болезненный, остался. Тогда дело едва не закончилось дракой, и я до сих пор помню, что еще несколько лет мама порой вздрагивала при каждом телефонном звонке: она опасалась, что отец попытается отобрать меня у нее. Наблюдая мою реакцию – вернее, ее отсутствие, Егор произнес:

– Я вас понимаю: отец ушел из вашей жизни давно, поэтому новость о его смерти не может опечалить. И все же, поверьте, я имею право утверждать, что Пратап Варма был вам не таким уж плохим родителем. Он оставил вам наследство, которое оценивается примерно в восемьдесят миллионов долларов.

Я сидела, словно приколотенная к стулу, и только появление официанта с подносом, шумно водрузившего на стол тарелки и бутылку воды «Перье», доказало, что это не сон. Тем не менее врожденная осторожность не позволяла вот так просто довериться незнакомому человеку. Егор, казалось, читал меня, как открытую книгу.

– Ваши опасения абсолютно справедливы, – кивнул он. – Уверяю, я не пытаюсь вас дурачить: у меня есть все бумаги, тщательнейшим образом оформленные и переведенные на русский язык. Они нотариально заверены как нашей, так и индийской стороной.

Но я не так проста, как, возможно, полагает этот хлыщ!

– И сколько мне придется заплатить, чтобы получить все это *бешеное* состояние? – поинтересовалась я.

– Нисколько, – спокойно ответил адвокат. – Я же говорю, что меня наняла фирма, поэтому от вас требуется только одно: отправиться в Индию и вступить в права наследования.

– И только-то! – хохотнула я, делая огромный глоток из бокала и едва не подавившись водой, так как пузырьки газа ударили мне в нос.

– Я вижу, вы все еще мне не верите, – констатировал Егор. – Это понятно – такой шок... На самом деле на моей практике это первый случай, когда речь идет о столь большой сумме. Давайте сделаем так: вы все как следует обдумаете и позвоните, когда будете готовы обсудить детали. Еще раз повторяю, это – не шутка и не розыгрыш, и вы на самом деле являетесь богатой наследницей. *Единственной* наследницей, заметьте!

– Неужели у... отца нет других детей? – с усилием разомкнув губы, спросила я.

– Есть, – ответил адвокат. – И мне неизвестно, чем руководствовался мистер Варма, составляя завещание. Возможно, адвокаты из «Баджапи и сыновья» знают больше? Когда вы поедете в Агру, несомненно, они посвятят вас в подробности, а пока что – вот, – и он положил на стол блестящую золотом визитную карточку со своим именем и телефонами, добавив: – Звоните в любое время! А теперь предлагаю закончить обед.

Егор управился гораздо быстрее меня и откланялся, сославшись на обилие дел, а мне кусок в горло не лез. Я думала, что обстоятельства моего рождения и годы, проведенные в Индии, остались в далеком прошлом, но появление адвоката как будто задело далеко запрятанные воспоминания, заставив их всплыть на поверхность. Оказалось, что помню я не так уж и мало; странная штука – человеческий мозг!

* * *

Естественно, я не могу помнить своего рождения, но мама рассказывала, что это произошло в одной из частных клиник Дели. На этом настаивал отец: он желал, чтобы его первое дитя появилось на свет в самых лучших условиях. Отец был уже не молод, как, в сущности, и моя мама: ему под пятьдесят, а ей недавно стукнуло сорок три. Для обоих этот брак являлся первым. Что касается мамы, это объяснимо, так как она была директором музыкальной школы и вращалась исключительно в женском коллективе. О детях до определенного возраста она не задумывалась, так как считала своими всех учеников, посещавших вверенное ей заведение. Мама с отцом познакомились на концерте. В филармонии выступали *ее* дети, а его привели коллеги, желая продемонстрировать все, что только есть замечательного в Северной столице. Но самой значительной достопримечательностью отец счел именно мою маму. Ведь Людмила Христофоровна Мысенко отличалась привлекательной наружностью – натуральная блондинка славянского типа: у нее были темные брови и ресницы и яркие серые глаза. От мамы я унаследовала цвет глаз и белую кожу. Все остальное, полагаю, досталось мне от отца. Темные вьющиеся волосы (только у меня они длинные и спускаются ниже талии), высокие скулы, слегка выдающийся вперед подбородок, нос... Нос – это отдельный разговор: мама говаривала, что из-за того, что он тонкий и довольно длинный я, когда злюсь или нервничаю, раздуваю ноздри, словно призывая лошадь на пути к финишу. Губы мне никогда не нравились – они слишком тонки, хотя рот большой, «как у лягушонка» – тоже мамино сравнение (она была строга в отношении моего внешнего вида). Мама была высокой, но любила каблуки (и в этом мы с ней похожи!), одевалась со вкусом и обладала потрясающим тембром голоса – низким, вибрирующим, обволакивающим. В этот голос хотелось закутаться, словно в теплое пуховое одеяло, и мама рассказывала, что не стала певицей только потому, что этого не хотели ее родители. Они считали пение несерьезным занятием и требовали, чтобы она приобрела «настоящую» профессию. И мама последовала их совету: жаль, что они так и не успели увидеть, каких высот в своей профессии ей удалось достичь. Короче говоря, папа пал к ее ногам, как спелый плод манго – его же собственное сравнение, если верить маме. Семья отца была очень состоятельной. Мама не вдавалась в подробности – она вообще не любила разговаривать на «индийскую» тему. Из всего семейства отец стал первым, получившим высшее образование. Его отправили учиться сначала в Лондон, потом в Штаты. Окончив университеты, отец устроился работать в хорошую клинику. В то время, когда родители поженились, отец жил только на свое жалование, но само собой разумеется, что, являясь единственным ребенком, он рано или поздно унаследует все активы семьи. Бедная моя мама, она не представляла себе, что ожидает ее в далекой стране! Нет, она не подверглась остракизму со стороны индийской родни – совсем наоборот, к ней относились, как к хрустальной вазе. Ей запрещали любую работу: если маме взбрело в голову взять тряпку и вытереть пыль со стола, к ней с громкими воплями неслась одна из служанок и выхватывала «неподобающий предмет» прямо у хозяйки из рук. Странное

дело, но, позабыв очень многое, я отчетливо запомнила один эпизод. По-моему, была весна. Погода стояла отличная, я играла на полу в гостиной, а мама, моя деятельная мама, не привыкшая сидеть без дела и постоянно занятая работой в России, маялась от безделья. Дом будто вымер: слуги отправились на какой-то из многочисленных праздников, и она вознамерилась вымыть окна, показавшиеся ей недостаточно чистыми. Натянув джинсы и старую футболку (этот стиль одежды в семействе Варма считался неприемлемым даже для домашнего ношения), мама влезла на подоконник и с наслаждением предалась труду. Как назло, окно выходило не во двор, а на улицу, и ее заметил кто-то из знакомых. Отец ворвался в дом, потрясая кулаками. Я так испугалась, что начала плакать, и родителям пришлось на время отвлечься от скандала, чтобы утихомирить дитяtko. Оказывается, весь сыр-бор случился из-за того, что папе донесли о маминых «эскападах» на подоконнике. Когда она недоуменно поинтересовалась, что же, собственно, за преступление совершила, отец пояснил, что «жене такого большого, уважаемого человека, как доктор Варма, не пристало заниматься черной работой, для коей существуют слуги»! Мама была возмущена и долго после этого отказывалась разговаривать с мужем. В тот раз, однако, гроза прошла стороной. Тем не менее день за днем в окружении индийского менталитета мама приходила к мысли о том, что ей не место в Индии. Каждый ее шаг тщательно контролировался – не из ревности, а потому, что существовали определенные *правила*, обязательные к соблюдению «всеми уважающими себя индийскими женами». Каждый ее поступок непременно обсуждался всеми соседями, знакомыми и даже знакомыми знакомых – русская «жена уважаемого доктора Варма» являлась отличной темой для того, чтобы почесать языками. Бесконечные сплетни, ссоры с отцом, его отказ позволить ей найти хоть какое-нибудь место работы – все это привело к тому, что в один далеко не прекрасный день мама собрала вещи, выкрала свой паспорт из бюро мужа и рванула в аэропорт. Она не воспользовалась личным водителем, тем не менее отец как-то прознал о нашем отъезде и примчался туда за десять минут до посадки. До сих пор в ушах у меня стоят его вопли, хоть я, убей, не помню, что именно он кричал. Я снова, по-моему, принялась рыдать, мама и другие пассажиры, ожидающие рейса, успокаивали меня, а охраннику аэропорта пришлось вызвать подмогу, чтобы вывести отца из здания. Этим, да еще мамиными страхами перед связями бывшего мужа и его желанием заполучить меня назад, и исчерпывались мои воспоминания о господине Пратапе Варма. И вот теперь, спустя столько лет, папа внезапно вспомнил о моем существовании – просто в голове не укладывается! Вспомнил не потому, что ему понадобилась помощь, или оттого, что он на склоне лет осознал абсурдность своего поведения в отношении мамы, а потому, что решил напоследок облагодетельствовать меня большим наследством. И как, спрашивается, я должна реагировать? Наверное, следует прыгать до потолка и бросать в воздух чепчик, но почему-то особого восторга мне эта новость не доставила.

Через силу доев ставший безвкусным остывший бифштекс, я потопала в клинику, размышляя над тем, стоит ли задумываться о беседе с адвокатом Егором или забыть обо всем и продолжать жить, как привыкла. В конце концов, я же не собираюсь ехать в Индию – нет уж, ни за какие коврижки! – так чего зря мозги баламутить?

* * *

Я сидела, скрестив ноги и нацепив на лицо сочувственное выражение, чтобы пациентка, не дай бог, не заподозрила меня в равнодушии. Знаю, это непростительно для врача, но врач – такой же человек, как и все остальные, и он не может не думать о проблемах, занимающих его самого. Лариса, одна из моих давних пациенток, увлеченно рассказывала о том, как буквально заставила себя съесть завтрак из половинки яйца и веточки петрушки на кусочке ржаного хлеба, а я думала о вчерашней встрече с адвокатом.

– ...а он говорит, что не может смотреть на мученическое выражение моего лица – *мученическое*, представляете? Это я не в состоянии видеть, как он уминает тонны еды – всех этих кур, коров и свиней, запивая их литрами пива!

На лице пациентки было написано такое возмущение, что я попыталась как-то соответствовать и поджала губы: несмотря на то, что я не слышала и половины ее жалоб, занятая размышлениями, нельзя, чтобы Лариса это заметила.

– Мне кажется, он меня бросит, – вдруг сказала девушка, и ее худенькое личико с острым подбородком сжалось в несчастную гримасу.

– Почему вы так решили?

Святое правило психоанализа – никаких советов. Пациент должен сам пытаться найти выход из создавшегося положения, а моя задача – лишь направлять его. Проблема в том, что Лариса ходит ко мне не потому, что желает избавиться от своего недуга – анорексии, а потому, что нуждается в повышении собственной самооценки. Несмотря на то, что такие люди твердо убеждены, что в лечении не нуждаются, у них, как правило, очень низкое мнение о собственной персоне. Собственно, в этом-то и кроется корень зла: женщины начинают худеть, садятся на строгую диету, чтобы самосовершенствоваться, но некоторые из них не в состоянии вовремя остановиться. Главная угроза состоит в том, что, как бы сильно ни похудела больная, она не видит изменений.

– Я нашла чужую помаду на его воротничке! – понизив голос до шепота, ответила на мой вопрос Лариса. – И он стал задерживаться после работы!

Ну, насчет первого ничего сказать не могу, а вот второе вполне объяснимо: когда живешь с женщиной, которая не выносит вида еды, стараешься питаться вне дома. Что, если парень после работы ходит в ресторан, чтобы создать у партнерши иллюзию того, что нуждается в пище так же мало, как и она сама?

Мне давно следовало отказаться от работы с Ларисой и передать ее другому специалисту: к сожалению, вынуждена признать, что она – одна из самых больших моих неудач. Вместо того чтобы говорить об анорексии и о том, как с ней бороться, мне приходится большую часть времени заниматься личными проблемами пациентки, но улучшения в ее состоянии не наступают. Как я ни старалась, мне так и не удалось пробиться сквозь стену, воздвигнутую Ларисой между ее диагнозом и всем остальным миром. Потеря надежды – последнее дело для клинического психолога, но я сейчас близка к этому как никогда. С другой стороны, имею ли я право бросать Ларису наедине с ее бедой?

Когда она, наконец, покинула кабинет, я вздохнула с облегчением: есть люди, в обществе которых я ощущаю невероятное напряжение. А мне еще предстоял невероятно длинный день и общение с десятком пациенток!

* * *

Я собиралась уходить, когда в дверь постучали. Тимур уже ушел, и во всем здании оставался только охранник. В его обязанности не входило докладывать о визитах посетителей.

– Войдите! – пригласила я, недоумевая, кто бы это мог быть.

К моему удивлению, это оказался адвокат Егор Балашов. Вместе с ним в кабинет вошел невысокий, полноватый мужчина с лоснящейся лысиной в окружении редких седых волос. Вопреки этому борода незнакомца была иссиня-черной, кожа отливала бронзой, под глазами – набухшие мешки, а дорогой костюм и ботинки указывали на то, что человек он весьма состоятельный. И, несомненно, иностранец.

– Индира, здравствуйте, – бодро поприветствовал меня Егор. – Как говорится, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе: мне пришлось привлечь «тяжелую артиллерию»!

Знакомьтесь, это – мистер Винод Баджпай, глава фирмы «Баджпай и сыновья», о которой я вам говорил, помните?

– Д-да, – пробормотала я, еще не вполне справившись с неожиданностью, – это та фирма, которая занимается наследством моего отца?

Вконец закутившись на работе, я почти забыла о Егоре и наследстве, тем более что не вполне поверила во всю эту ситуацию из сказок «Тысяча и одной ночи». И вот он здесь, да еще и какого-то индуса приволок!

– Не знаю, говорите ли вы по-английски... – начал Егор, но я прервала его:

– Говорю, и неплохо.

– Отлично! – обрадовался Егор. – Потому что господин Баджпай гораздо лучше обрисует вам ситуацию с наследством – из первых рук, другими словами. Well? Mister Bajpai, – обратился он к своему спутнику, – we can start as Miss Varma speaks English all right [Ну, мистер Баджпай, мы можем начинать, так как мисс Варма хорошо говорит по-английски.].

– Отлично! – просиял индус, до сих пор сохранявший сосредоточенное выражение лица: так ведут себя глухие или те, кто внезапно попадает в иноязычную среду. Они знают, что ничего не поймут, но напрягают все органы чувств, надеясь хоть что-то уловить, прочитать смысл сказанного по позе говорящего и его мимике.

– Вы так похожи на старшую миссис Варма! – добавил между тем Баджпай. – Просто одно лицо: когда вы приедете в Агру, уверен, вам еще миллион раз скажут то же самое.

Я кивнула, размышляя над его словами. Интересно, он сказал «когда вы приедете в Агру», а не «если вы приедете» – откуда такая уверенность?

– Егор, – продолжал адвокат, – сообщил вам о том, что ваш отец, господин Варма, оставил наследство, но я хочу в общих чертах обрисовать, что именно в него входит.

– Я так поняла, что деньги?

– Не только. Видите ли, самой важной частью завещания является сеть аюрведических клиник в нескольких крупных городах Индии... Вы в курсе, что такое аюрведа, мисс Варма?

– Кажется, что-то из нетрадиционной медицины?

– На самом деле в переводе с санскрита, где «аюр» – «принцип жизни» и «веда» – знание, так называется традиционная система индийской медицины, основывающаяся на философской системе санкхья.

Я сидела с умным лицом, но для меня слова Баджпай звучали немногим понятнее китайской грамоты. Он это заметил и рассмеялся.

– Поверьте, мисс Варма, – сказал он, – хоть я и коренной индеец, но и для меня, пока я тридцать лет назад не познакомился с вашим отцом, аюрведа являлась лишь понятием из словаря! Теперь я знаю чуточку больше. Просто для вашего сведения: аюрведу в наши дни практикуют примерно триста пятьдесят тысяч зарегистрированных врачей, она изучается в Индии под общим руководством Центрального совета по исследованию древнеиндийской медицины, который включает национальную сеть научно-исследовательских институтов. Таким образом, вы можете видеть, насколько серьезно относятся к этому направлению на вашей родине! В городе Джамнагар, штат Гуджарат, основан университет, где готовят специалистов. Есть несколько фармацевтических предприятий, которые производят лекарства аюрведы под контролем правительства. В Индии и Шри-Ланке специалисты учатся в течение пяти с половиной лет и сдают государственный экзамен, получая степень бакалавров аюрведической медицины и хирургии.

– Хирургии? – переспросила я.

– Да-да, – закивал Баджпай. – Всеобщее заблуждение состоит в том, что аюрведу относят только к терапии, но там есть не менее важная хирургическая составляющая, и ваш папа был отличным хирургом: он пользовал многих актеров, причем не только индийских, но и зару-

бежных – они специально приезжали в Индию, чтобы лечиться у него! Вот как раз об этих клиниках и идет речь: лишившись господина Варма, они стали как бы бесхозными.

– Разве в них нет главврачей или хотя бы управляющих? – спросила я.

– Естественно, есть, – подтвердил адвокат. – Но управляющие – не хозяева. Единственной *владелицей* всего этого богатства по завещанию являетесь вы. Господин Варма совершенно определенно указал, что вы получите все его состояние только в том случае, если лично приедете в Индию и примете дела.

– Приму дела?! – воскликнула я, подпрыгнув на стуле. – Да я же ничегошеньки не смыслю в этой вашей аюрведе! Кроме того, я не говорю на хинди, понятия не имею об индийских обычаях и... И я вообще никуда не собираюсь: вся моя жизнь и врачебная практика – здесь!

– В завещании господина Варма не сказано, что вы должны проживать в Индии постоянно, – заметил Баджпай. – Вы вполне сможете руководить дистанционно – спасибо новейшим технологиям! – и лишь время от времени наведываться на родину. Однако вам необходимо приехать, чтобы увидеть вверенное вам имущество. Кроме того, существуют некие обстоятельства, о которых я намеренно не сообщил мистеру Балашову, – он кивнул в сторону Егора. – Это касается того, как именно погиб ваш папа.

– Погиб? – нахмурилась я. – То есть вы хотите сказать, что он умер... не своей смертью? Он что, попал в аварию?

– К сожалению, все не так просто, – вздохнул Баджпай. Он вытащил из внутреннего кармана белоснежный платок и протер взмокшую непонятно почему лысину: в помещении вовсе не было жарко. – Дело в том, что вашего отца убили, мисс Варма.

– Что-о-о?!

– Да-да, именно – убили, застрелили в его собственном кабинете. Это произошло около двух месяцев назад, и все это время мы пытались вас разыскать, ведь у господина Варма не было вашего адреса!

Это верно: едва сбежав от мужа, мама занялась переездом, боясь, как бы отец нас не нашел.

– Какой кошмар... – пробормотала я: не испытывая никаких теплых чувств к отцу, которого почти не знала, я тем не менее не могла не ужаснуться его страшной гибели. – Но какое отношение ко всему этому могу иметь я? То есть все случилось довольно давно, и я даже на похороны опоздала... Кроме того, как я понимаю, имеются и другие члены семьи?

– Номинально, мисс Варма, в данный момент главой семьи являетесь именно вы, – торжественно ответил адвокат.

– Я?!

– Вот именно. У господина Варма действительно были еще двое сыновей от второй жены.

– Были?

– Остался только один. Старший, Аамир, тоже погиб – автомобильная авария. Это стало огромной трагедией для всей семьи, потому что именно его господин Варма намеревался сделать своим наследником.

Да что же это такое – сплошные покойники! Оказывается, у меня был брат, которого я даже не знала.

– Но есть и второй сын? – уточнила я.

– Санджай. Тут имеется... проблема, – с запинкой проговорил Баджпай. – Понимаете, Санджай арестован.

– Арестован? За что?!

– За убийство вашего отца!

Еще не легче! Один родственник, получается, убит, а второй – убийца?!

– Лично я уверен, – быстро заговорил Баджпай, – что Санджай ни в чем не виноват.

Я взглянула на Егора: он сидел, подавшись вперед, и внимательно слушал – очевидно, все сказанное стало для него таким же откровением, как и для меня.

– Как видите, – продолжал адвокат, – семья Варма в данный момент весьма уязвима – преследование полиции, прессы... Вся эта шумиха вокруг уважаемого и известного семейства привела к тому, что клиники господина Варма оказались под угрозой: персонал боится за свою судьбу, понимаете? Необходимо предъявить им законную наследницу, убедить в том, что их рабочие места останутся за ними, снова наладить дело. А потом можете возвращаться домой – я отлично понимаю, что вы вряд ли сумеете резко поменять свою жизнь и перебраться в Индию навсегда.

Еще бы! В Германию, Францию, даже Новую Зеландию – еще туда-сюда, но в Индию? Это далеко не страна моей мечты, чего уж лукавить! Не то чтобы я интересовалась индийской культурой – индийские фильмы, с их бесконечными танцами, песнопениями и слезливой любовью вызывают у меня чувство глубокого отвращения, – но по телевизору я видела парочку передач. Они оставили у меня в душе неприятный осадок: грязные улицы, на которых спят худые и нищие люди, бежавшие из деревень от голода и все равно умирающие в больших городах, так и не сумев устроиться; такие же голодные коровы и собаки, бродящие между дистрофическими человеческими телами в поисках еды среди испражнений и отбросов – да не дай бог оказаться в подобном местечке!

– Но я не могу сейчас уехать! – пробормотала я, судорожно размышляя над тем, как бы отбрезжаться от неприятной перспективы. – У меня работа, пациенты – я не могу их бросить!

– Я настоятельно прошу вас обдумать мое предложение, мисс Варма: в конце концов, ответственность перед семьей – достаточно важная причина для того, чтобы поступиться некоторыми своими интересами. Конечно, вы совершенно не знаете этих людей, однако у вас ведь нет здесь близких родственников?

А он и в самом деле отлично информирован обо всей моей жизни!

– Почему бы вам не встретиться с теми, в чьих жилах течет та же кровь? Уверяю вас, это прекрасные люди, и они вам понравятся.

Вот как раз в этом я сильно сомневалась.

– Я пробуду в Санкт-Петербурге еще два дня, – поднимаясь, закончил свою речь адвокат. Егор также встал. – Остановился в гостинице «Эмеральд», но вы можете связаться как непосредственно со мной, – он протянул мне визитку, – так и с мистером Балашовым, который является нашим представителем.

Для меня его слова прозвучали как ультиматум.

* * *

С другой стороны, почему бы и не отвлечься на некоторое время от проблем, связанных с работой? В конце концов, я несколько лет не была в отпуске, и у меня накопилась куча дней! Пациенты, конечно, не выразят восторга по поводу моего отъезда, как и мое начальство, но... Может, мне вообще не придется больше работать, ведь я – *богатая наследница*!

Созвонившись с Баджаи уже через день, я спросила, что нужно сделать для моего выезда. Он обрадовался моему решению и сказал, что, если у меня есть иностранный паспорт, то он возьмет оформление документов и покупку билета на себя. Весь процесс, пообещал он, займет не более двух дней. Единственное, что от меня требовалось, – это передать адвокату на время мой внутренний и иностранный паспорта.

Через сутки Баджаи позвонил и предложил заехать к нему в отель, чтобы забрать документы: дело оказалось уже улаженным, и дата отлета пугала своей близостью. Он купил нам билеты на понедельник, а сегодня четверг, и у меня, получается, оставался всего один день на

то, чтобы написать заявление на отпуск. Слава богу, главный отпустил меня, когда я сказала, что лично обзвонила пациентов и заручилась их согласием.

Вечером того же дня я поехала за паспортами. В неофициальной обстановке роскошного холла «Эмеральда», где мы с Баджапай сидели, попивая коктейли, адвокат показал себя приятным собеседником с хорошим чувством юмора. Несмотря на то что я почти не задавала вопросов, Баджапай рассказал мне об отце и о покойном брате Аамире. О втором брате, Санджае, он не сказал ничего, кроме того, что его, несмотря на влияние семейства Варма, арестовали и отказываются выпускать под залог. Это, по словам адвоката, из ряда вон выходящий случай в стране, где легко покупаются и продаются политики, не говоря уж о полицейских чиновниках! Баджапай относил это за счет неопределенности в положении семьи: после гибели ее главы оно заметно пошатнулось, так как вопрос о наследстве долгое время оставался нерешенным.

– Ну теперь, уверен, все наладится, – бодро говорил адвокат. – С вашим приездом Варма восстановят свою репутацию и влияние!

Время было позднее, и Баджапай, как истинный джентльмен, настоял на том, чтобы проводить меня до стоянки, где я оставила автомобиль. Нам требовалось преодолеть около двухсот метров и перейти улицу, что мы и начали делать, едва загорелся зеленый свет на пешеходном переходе. На нашей стороне тротуара не было никого – да что там на нашей: в половине двенадцатого ночи улицы выглядели вымершими. Падал мокрый снег, и я спала и видела, как бы поскорее добраться до дома или, по крайней мере, до теплого салона моей «девочки», где сверху ничего не капает и под ногами не хлюпает грязь. В момент, когда мы с Баджапай находились как раз посреди перехода, из-за угла вывернул потрепанный джип. Краем глаза я успела заметить, что он темного цвета, как вдруг получила довольно ощутимый удар в бок. Уже потом, задним умом, я поняла, что этим ударом наградил меня Баджапай в попытке оттолкнуть с пути взбесившегося авто, мчавшегося прямо на меня: окажись у адвоката не столь быстрая реакция, я тем же вечером окончила бы свои дни под колесами машины. Упав, я сильно ударилась плечом и локтем, и от боли у меня на несколько секунд потемнело в глазах. Когда тьма рассеялась и я вновь получила способность видеть окружающие предметы, мой блуждающий взгляд упал на распростертое рядом тело Баджапай. На четвереньках, совершенно не заботясь о том, как выгляжу со стороны, я подползла к нему и потрясла за плечо.

– Мистер Баджапай... Вы в порядке?

Дурацкий вопрос, тут же сказала я самой себе – и так понятно, что нет, но я просто пыталась успокоиться. Первым делом требовалось оттащить адвоката к обочине, чтобы кому-нибудь еще не вздумалось нас переехать. С другой стороны, это опасно, ведь я понятия не имею, какие именно повреждения получил Баджапай... Но выхода нет, и я, стараясь действовать как можно бережнее, передвинула тело к тротуару. Затем, дрожащими руками нащупав сотовый и с трудом из-за полученного стресса вспомнив, как набирать «Скорую», проорала в трубку адрес. Вывернувшая из-за угла «Лада» притормозила, поравнявшись с нами, и вышедшая из нее женщина быстро направилась ко мне. Я вздохнула с облегчением: по крайней мере, мы уже не одни!

* * *

«Скорая» доставила нас в Мариинскую больницу. У адвоката обнаружили многочисленные переломы, трещины в ребрах и сотрясение мозга, но внутренние органы пострадали не сильно. Баджапай оперировали несколько часов, а потом перевели в реанимацию. Ночь я провела на кушетке в коридоре, а утром позвонила Егору. Надо отдать ему должное – несмотря на выходной день и то, что я подняла его с постели в начале восьмого, адвокат примчался через полчаса. Еще через сорок минут я благословила свое решение вызвать его, так как явились полицейские для выяснения обстоятельств происшествия. Не спав ночь, я едва соображала,

что за вопросы мне задают, поэтому присутствие Егора оказалось как нельзя кстати: он взял на себя объяснения по поводу того, что делает в России гражданин Индии и какое отношение ко всему случившемуся имею я.

– Что это была за машина? – выстреливал вопросами молодой лейтенант ГИБДД, еще не потерявший интереса к профессии. – Цвет, марка? Вы номера запомнили?

– Господь с вами, какие номера – у меня едва мозги не выскочили! – воскликнула я. – А машина... Помню, что джип – это точно, то ли черный, то ли синий... Стекла затемненные.

– То есть водителя вы не разглядели? – уточнил он.

– Н-нет...

– Вы можете примерно определить, с какой скоростью он двигался?

– Очень быстро, – убежденно ответила я. – И не пытался тормозить – несся как ошпаренный! А свет, между прочим, был зеленый, и мы находились на пешеходном переходе.

– Когда это кончится, а? – возмущенно спросил Егор. – Людей давят почему зря, суды завалены исками к водителям, пьяными садящимся за руль... Куда вы-то смотрите?!

Лейтенант ГИБДД насупился и принялся ожесточенно строчить что-то в блокноте. Затем, подняв голову, он сказал, обращаясь к нам обоим:

– Что ж, будем искать лихача, хотя...

Он не закончил фразу, но и так было абсолютно ясно, что он имеет в виду: скорее всего, водителя не найдут, ведь объявлять план «Перехват» уже поздно, а спустя почти восемь часов после несчастного случая вероятность обнаружения нарушителя сводится к нулю.

К середине дня Баджаи перевели в платную палату, и мы смогли поговорить.

– Вам придется лететь одной, – сказал он, с трудом ворочая языком: адвокату вкатили сильнейшую дозу обезболивающего со снотворным, и он едва находил в себе силы, чтобы держать глаза открытыми.

– Я никуда не полечу, – покачала я головой. – Как я вас оставлю? Если бы не вы...

– Не надо об этом! – прервал он меня. – Это был мой долг: ваш отец столько сделал для меня и моей семьи, что я был бы рад отдать жизнь за его дочь!

Мне было странно слышать столь пафосную речь от человека, едва оправившегося после операции, но я поняла, что у него, вероятно, имеется достаточно причин так говорить.

– Вы обязательно должны ехать, – немного передохнув, проговорил Баджаи. – Мои сыновья, Арджун и Кишан, позаботятся о вас и сделают все не хуже, чем справился бы я сам. Кроме того, здесь Егор... Он уже позвонил моей жене, и она прилетит первым же рейсом, так что в одиночестве я не останусь...

Ну почему вокруг меня так много несчастий? Сначала – отец, которого я почти не знала, а теперь вот – адвокат... Да еще эта поездка в Индию, к которой у меня и без того душа не лежала!

* * *

Аэропорт Нью-Дели имени Индиры Ганди (какая ирония: меня называли в ее честь, как и этот аэропорт!) показался мне настоящим муравейником по сравнению с Пулково. Несмотря на то что так называемый «Терминал номер два» обновили, как я прочла в брошюре, коротая время в полете, он все равно не справлялся с огромным количеством пассажиров. Сойдя с подножки автобуса, подвезшего меня к зданию аэропорта, я погрузилась в жаркий, душный, бурлящий поток разношерстной публики, который, как лава, изливающаяся из жерла вулкана, понесла меня вперед. Здесь были европейцы в костюмах и с кейсами – по всей видимости, бизнесмены, разъезжающие по делам своих фирм, а также мужчины в разноцветных чалмах в сопровождении женщин в пестрых сари, увешанных золотыми украшениями, подобно рождественским елкам. Туристы бороздили помещения аэропорта беспорядочными толпами,

мусульмане в белых одеждах путешествовали большими группами. Не обошлось здесь и без японских туристов, неистово фотографирующих все и вся. Стоя посреди этого человеческого водоворота, я почувствовала себя песчинкой на берегу океана, которую того и гляди смоем волной. С трудом отыскав ленту, по которой двигался багаж, я терпеливо ожидала, когда же появится мой чемодан, но вот уже трижды мелькнула приметная красная спортивная сумка, а моего багажа что-то не видно.

– Простите, – обратилась я к дружелюбной служащей аэропорта, одетой в сари цвета хаки, – я не могу найти свой багаж!

– С какого вы рейса, мадам? – поинтересовалась она.

Я назвала, и девушка принялась названивать кому-то по местному телефону. Через полчаса выяснилось, что дела плохи.

– Мне очень жаль, мадам, – сказала служащая, – но, похоже, ваш багаж еще не прибыл – какая-то путаница во Франкфурте, где вы делали пересадку!

Хоть она и извинилась, было не похоже, чтобы индианка в самом деле о чем-то сожалела: видимо, потеря багажа здесь не в новинку. Только вот меня это обстоятельство, по понятной причине, не радовало: в багаже было все, что могло понадобиться в чужой стране, где нельзя ничего пить и есть, если оно предварительно не прошло санитарный контроль! Вдобавок к этой неприятности я что-то не видела в толпе встречающих никого с табличкой, где значилось бы мое имя, а ведь Егор обещал, что один из сыновей Баджаи обязательно будет в аэропорту. Служащая аэропорта уже утратила ко мне интерес и переключилась на немецкого туриста, потерявшего свой рейс. Отойдя от стойки, я нервно озиралась по сторонам, прижимая к себе сумочку, в которой находилось лишь самое необходимое – деньги, документы и косметичка: знающие люди предупреждали, что в людных местах пышным цветом цветет воровство и карманники прямо-таки кишмя кишат в аэропортах и на вокзалах. Ну, и что мне теперь делать? Борясь с искушением сесть на первый же рейс домой, я медленно направилась в сторону выхода. Адрес отцовского дома лежал в моей сумочке, но, глядя на бесконечные потоки людей, я сильно сомневалась в том, что сумею самостоятельно его отыскать. Когда мы только приземлились, а было это в девятом часу утра, жара уже ощущалась, однако теперь, в половине одиннадцатого, солнце палило так, что асфальт плавился на глазах, а в воздухе висела голубовато-серая дымка, дрожащая, как мираж в пустыне. Через тонкую подошву мои ноги ощущали жар, исходящий от тротуара, и я почувствовала, что уже вся взмокла, несмотря на то что одета в легкий льняной костюм. Нет, приезд сюда был самой большой ошибкой в моей жизни! Но это, как выяснилось, было лишь начало. Едва я покинула здание аэропорта, как ко мне подлетела целая толпа мужчин, наперебой голосащих что-то на смеси всех языков мира, за исключением, пожалуй, только русского. Я слышала, что в Индии полно нищих, но эти люди не походили на таковых, и через несколько минут я сообразила, что они – таксисты, сгорающие от желания доставить меня в любую точку Дели. Их глаза горели, руки вскидывались в эмоциональных жестах, и голова моя буквально лопалась от их громких призывов и уговоров. Если бы я могла, непременно убежала бы прочь, не разбирая дороги, но мужчины окружили меня настолько плотным кольцом, что не оставили путей для отхода. И в тот самый момент, когда я уже готова была потерять сознание от жары и стресса, за моей спиной раздался требовательный мужской голос. Я не имела ни малейшего понятия, что он говорит, но таксисты, судя по всему, прекрасно поняли смысл сказанного и отхлынули, оставив меня в одиночестве наслаждаться возможностью дышать свежим воздухом.

– Все в порядке, – проговорил тот же самый голос, что разогнал толпу. – Присядьте-ка...

Сильные руки взяли меня за плечи и насильно усадили на парапет. Когда я, немного придя в себя, подняла голову, то увидела внимательно глядевшие на меня карие глаза: мужчина сидел на корточках и смотрел на меня. Тонкое, худое лицо, не походившее на большинство тех, что уже успели встретиться на моем пути в этой стране, выглядело весьма привлека-

тельным – от темных, глубоко посаженных глаз до аккуратно подстриженной бороды и усов, из-под которых сверкали в улыбке белые зубы, резко контрастировавшие со смуглой кожей. Прямые жесткие волосы, черные с сединой (кажется, этот цвет называют «перец с солью»), были коротко стрижены, открывая широкий лоб.

– Вы – Индира Варма? – вдруг спросил мужчина. Я только собралась удивиться, но он тут же пояснил: – Вас невозможно не узнать – вот приедете домой и сами все поймете!

– А вы, значит, один из братьев Баджпай? – поинтересовалась я, подумав, насколько, оказывается, сыновья могут не походить на отцов.

– Нет, меня зовут Милинд, – покачал он головой. – Милинд Датта. Арджун Баджпай попросил меня вас встретить. Я – коллега вашего покойного отца.

– Господин Баджпай не упоминал вашего имени, – заметила я, поднимаясь. Милинд также встал, и я с удовольствием отметила, что он выше меня.

– Все потому, что я – не член семьи, – улыбнулся он. – Хотя за долгие годы работы с вашим отцом я, пожалуй, почти что им стал: любой родственник Пратапа Варма – и мой родич тоже. А где, кстати, ваши вещи? – поинтересовался он, озираясь по сторонам.

– Они остались во Франкфурте, – горестно ответила я. – Одежда...

– Ерунда, – отмахнулся он. – Завтра я приеду сюда и устрою им веселую жизнь – живо отыщут потерю! До Агры около четырех часов езды, но я постараюсь управиться за три. Моя машина рядом. Пошли?

Автомобиль был под стать хозяину – гоночная модель «Порше», приземистая, черная и пучеглазая, и я поняла, что обещание «управиться за три часа» имело под собой веские основания. Видимо, папины коллеги и в самом деле неплохо зарабатывают! Он сорвался с места с бешеной скоростью, и я испугалась, что мы можем кого-то сбить, учитывая невообразимое количество народу на улицах города. Однако волновалась я напрасно: Милинд оказался прекрасным водителем и легко лавировал по загроможденным людьми и транспортом улицам. Я с интересом смотрела по сторонам. Мимо проносились моторикши, каким-то чудом сохраняющие равновесие на трех колесах, дорогие иномарки и старенькие, дышащие на ладан автобусы с распахнутыми настежь дверьми, так как кондиционеров в салонах не предусматривалось, а жара стояла невыносимая. Центр города выглядел вполне презентабельно, с обилием старинных зданий и памятников. Мы выехали на хайвэй, который, как заметил Милинд, вел прямо к месту нашего назначения. Несколько раз передо мной мелькнули знакомые очертания величественного пятикупольного строения, нарисованного на гигантских плакатах.

– Тадж, – пояснил Милинд, заметив мой интерес.

Я и сама догадалась, что волшебное сооружение из белого мрамора и есть знаменитый Тадж-Махал, построенный султаном Шах-Джаханом для любимой жены Мумтаз-Махал. Да, в те времена любовь увековечивали в мраморе с мозаикой из цветных камней, а теперь букет чахлах гвоздик и коробка дешевого шоколада – вот и все, что может ожидать среднестатистическая женщина от современного влюбленного!

– Вы его обязательно увидите, – добавил Милинд. – В Агре есть что посмотреть. Ваш покойный отец построил там несколько клиник, а потом возвел несколько в Дели и других городах. Недавно в Агре, по соседству с Тадж-Махалом, Пратап заложил фундамент нового филиала, который должен был стать венцом его карьеры, но сейчас работы приостановлены, пока не решен вопрос о наследстве... Агра – красивый город, но опасный, особенно для иностранцев. Хотя, наверное, это можно сказать о любом городе мира!

– Согласна, – кивнула я. – В Питере... то есть в Санкт-Петербурге есть районы, в которые лучше не соваться.

– Везде все одинаково, но тут, видите ли, имеется своя специфика. Вы, конечно, похожи на индианку – кровь, как говорится, не вода, но по вашему оглушенному виду сразу заметно, что вы нездешняя.

– По *оглушенному* виду?

– Ну, растерянному. Это нормально, ведь все здесь вам незнакомо, интересно... Поэтому прошу вас об одном, Индира: *никогда* не выходите из дому без сопровождения!

Я посмотрела на Милинда в надежде уловить улыбку на его лице, но он был совершенно серьезен.

– Что, без мужчины рядом тут вообще передвигаться нельзя? – спросила я недовольно.

– Ну, зачем же сразу – мужчины? – пожал плечами мой новый знакомый. – И женщина сойдет, только местная. Она не позволит вора и попрошайкам вас облапошить, да и не потеряется!

– И где же я найду такую женщину?

– О, с этим проблем не возникнет: вот приедете домой, увидите!

Он уже вторично «пугал» меня приездом домой – как будто я и так не чувствовала себя не в своей тарелке! Встреча с родственниками представлялась мне сущим кошмаром, и, несмотря на то что в салоне была комфортная температура, я поежилась.

Я и не заметила за разговором, как пролетело время и мы въехали в Агру. Через полчаса, миновав широкие чугунные ворота, свернули на боковую дорогу, засаженную кипарисами.

– Здесь начинаются владения Варма, – сказал Милинд.

– Уже?!

– Мы ведь въехали в ворота, вы заметили?

Вскоре дорога стала закругляться, и мы оказались еще у одних ворот, увенчанных какими-то фигурами – видимо, из индийской мифологии. А за ними возвышалось нечто белозерозовое и громадное. Охранник, сидящий в высокой будке, узнал автомобиль Милинда. Раздался долгий мелодичный гудок, и ворота распахнулись, впуская нас во двор. Честно говоря, назвать «двором» площадь, лишь немногим уступающую Дворцовой по размеру, язык не поворачивался, но по отношению к дому, вернее, дворцу, он именно таковым и являлся. Посреди двора расположился мраморный фонтан – слон, стоящий на черепахе, запрокинув голову и выпуская струи воды из хобота, устремленного к небу. Я до шести лет прожила здесь, в этом самом доме, но в моей памяти не сохранилось никаких воспоминаний. Может, дело в том, что маленькие дети не обращают внимания на вещи, важные взрослым? Любого человека сознательного возраста, раз увидев столь величественное и претенциозное здание, поражающее смешением европейской и восточной роскоши, ни за что не забыл бы такого зрелища. Разглядывая все это великолепие, я не сразу заметила, что Милинд уже вышел из машины и распахнул передо мной дверь, терпеливо ожидая, когда же я перестану таращиться и обращу на него внимание.

– Еще насмотритесь, – улыбнулся Милинд, когда я, ощущая себя ужасно неловко, выбралась из удобного салона под палящее солнце. – А пока – прошу вас пройти в ваши владения!

– В мои?!

– Ну, разумеется, ведь именно вам принадлежит все это по закону – так захотел господин Варма.

– И что, все родственники с этим согласны? – задала я давно интересующий меня вопрос. Милинд внимательно посмотрел на меня.

– Что рассказал вам господин Баджапай?

– Почти ничего, кроме того факта, что мой брат сейчас находится в тюрьме по обвинению...

– В убийстве отца, это так, – кивнул он. – Тогда, видимо, мне придется ввести вас в курс дела. На данный момент в доме обитают: ваша бабушка Мамта-джаан, мать вашего отца, его вдова, Анита, ее сын, Санджай... До того, как был арестован. Также есть двоюродный брат Мамты-джаан, Анупам – он не проживает здесь постоянно, но часто навещает сестру и остается на месяц-другой. Племянница Мамты-джаан, Сушмита, ее муж Каран и дети, Сурья и

Абхишек. Сушмита исполняет обязанности домоправительницы, но вы в любой момент сможете это изменить, если пожелаете. А, еще Чхая...

– Что еще за Чхая?

– Воспитанница господина Варма. Она была дочерью одного из наших служащих, который скоропостижно скончался десять лет назад, и ваш отец проявил милосердие и не позволил девочке попасть в сиротский приют. Она живет в доме на правах члена семьи.

У меня голова шла кругом от запутанных родственных связей. Все эти люди мне совершенно чужие, и они наверняка воспринимают меня как гунна Аттилу, вторгшегося на их территорию и грозившего нарушить привычный уклад жизни.

– Прямо-таки куча народу! – пробормотала я.

– И не все они, как вы правильно догадались, будут счастливы вас видеть.

Вот оно! Огромный дом, великолепный сад, фонтан и так далее – все это лежит на поверхности: красивая оболочка наследства папы, в недрах которого бушуют нешуточные страсти.

– И кто же ненавидит меня сильнее всех? – поинтересовалась я, внутренне содрогаясь.

– Ненавидит? Это слишком сильное слово – не думаю, что кто-то из домочадцев испытывает к вам нечто подобное, ведь они вас совсем не знают! Но есть по меньшей мере два человека, которые вам рады. Ваша бабушка, к примеру, спит и видит, когда же вы приедете!

– А кто второй человек? – спросила я.

– Он перед вами, – улыбнулся Милинд. – Ну, пойдем, что ли?

* * *

Я не спала уже минут сорок, но нежилась в мягкой постели, не желая вставать и начинать день, грозящий стать бесконечным. Окна были занавешены плотными шторами, но я подозревала, что на улице светит солнце, так как его лучи нет-нет да и пробивались сквозь ткань. Интересно, который час? В комнате не было часов, как будто все здесь предназначалось лишь для релаксации. Вся мебель была резная, из черного дерева, массивная и внушительная, как и само поместье. Не знаю, чего я ожидала от встречи с новыми родичами, но явно не могла представить того, что произошло на самом деле. Едва Милинд распахнул передо мной тяжелую дверь, как раздался предупреждающий крик, и он, вместо того чтобы войти, отступил назад и придержал меня за рукав. Опустив глаза, я увидела глиняный горшок, в котором находилось что-то белое – вероятно, молоко. Кричали, чтобы мы ненароком не сбили эту емкость? Но Милинд вдруг сказал, поворачиваясь ко мне:

– Вам нужно снять обувь и ногой перевернуть горшок, чтобы молоко разлилось.

– Перевернуть горшок? – удивленно переспросила я.

У порога собралось человек тридцать, больше половины из них являлись представительницами женского пола, и от ярких сари у меня зарябило в глазах. Все женщины заговорили одновременно – тихо, но настойчиво, тыкая пальцами в злополучный сосуд. Подавив вздох, я сбросила туфли (слава богу, они были без задников) и осторожно ударила ногой по краю горшка. Он покачнулся и упал, молоко вылилось, что вызвало бурю радостных эмоций в толпе. Однако оказалось, что это еще не конец. Одна из женщин сделала кому-то знак рукой, и к нам подскочил молодой человек в длинном белом балахоне и шароварах и попытался подсунуть мне под ногу, все еще висящую в воздухе, металлический поддон с какой-то темной субстанцией.

– Это еще что такое? – шепотом поинтересовалась я у Милинда.

– Всего лишь глина, – улыбнулся он. – Не бойтесь, наступите в нее.

– Но зачем?!

– Этот ритуал, как правило, проводят, когда молодая жена входит в дом мужа. Индийцы – народ суеверный, а он, по мнению большинства, гарантирует счастливую семейную жизнь.

Вы, конечно, не невеста, но все же новый человек, которому предстоит встать во главе семьи и управлять поместьем и бизнесом, поэтому вам и предлагают то же, что и богине домашнего очага Лакшми. Не беспокойтесь, глина легко отмоется!

Я решила подчиниться: как говорят англичане: «В Риме поступай, как римляне». От толпы отделилась женщина лет пятидесяти, маленькая, смуглая, с большими черными, густо подведенными глазами и начала производить какие-то манипуляции с серебряным подносом, на котором лежали цветы, кучка непонятного красного порошка и курилась сандаловая палочка.

– Не дергайтесь, – шепнул Милинд мне на ухо. – Позвольте тете Сушме все сделать правильно!

И я не дергалась, стоя как памятник. Давно забытый запах сандала щекотал ноздри, дым заставлял глаза слезиться, но я мужественно терпела, пока, слегка покачиваясь, «тетя Сушма» водила подносом вокруг моей головы, вполголоса что-то приговаривая. Затем она вдруг окунула пальцы, сложенные в щепоть, в порошок и ткнула ими мне в лоб. Я едва удержалась, чтобы не отпрянуть.

– Все в порядке, – сказал Милинд, легонько подталкивая меня вперед. – Теперь вы можете войти. Добро пожаловать домой, госпожа Варма!

В тот вечер, казалось, все многочисленные представители семейства, даже те, кто не жил здесь постоянно, собрались в поместье. Первой, кому меня представили, была бабушка Мамта-джаан. Я ожидала увидеть старенькую, согбенную старушечку, однако ошиблась. Мамта-джаан оказалась довольно высокой для индианки восьмидесятивосьмилетней женщиной с прямой, как палка, спиной и стройным, словно у молодой девушки, станом. Она не красила волосы и носила современную короткую стрижку и очки в дорогой оправе. Ее руки, несмотря на пигментные пятна, были ухожены, ногти покрашены ярким лаком, а изящные пальцы, не тронутые артритом, унизывали золотые кольца. Вообще все женщины в доме, как я успела заметить, сверкали драгоценностями и бриллиантами. В европейском обществе такое обилие драгоценностей сочли бы за проявление дурного вкуса, но здесь, в Индии, так было принято, и это казалось естественным. Когда Мамта-джаан приблизилась ко мне, я, признаться, испугалась, однако она протянула руки и обняла меня, плача и быстро-быстро говоря на хинди.

– Бабушка понимает английский, но плохо на нем говорит, – пояснил Милинд, с самого начала взявший над мной шефство во всем, что касалось правил и обычаев. – Она очень рада видеть вас снова: бабушка помнит вас маленькой кудрявой девочкой, бегавшей по дому и оглашающей его радостным смехом. Она напоминает вам, что вы любили прятаться в старинных комодах на втором этаже, а слуги часами искали вас, сбившись с ног, под громкие вопли хозяина, беспокоящегося за единственную дочь.

Хотелось бы мне сказать, что я все это помню, но – нет, к сожалению, и этих воспоминаний не осталось в памяти, словно кто-то добросовестно поработал ластиком. Мамта-джаан взяла меня за руку и весь вечер не отпускала от себя. Странное дело, но с ней я как-то сразу почувствовала себя свободно и раскованно, поэтому ничуть не возражала против того, что она сжимала мои пальцы в своих руках, время от времени поглаживая мои ладони. Так делала мама, когда пыталась меня утешить или приободрить. Знакомый, нежный жест заставил меня почувствовать, как щекочет в носу и глазах.

Вторым членом семьи, который обратил на себя мое внимание едва ли не с порога, была невысокая, удивительно красивая женщина лет сорока или, может, сорока пяти.

– Анита, ваша мачеха, – пояснил Милинд вполголоса.

– Добро пожаловать домой! – на чистейшем английском произнесла она и раскрыла мне объятия, но что-то насторожило меня – возможно, предубеждение, так как она являлась замой моей матери в качестве папиной жены? Тем не менее я постаралась ответить на ее объятие с той же теплотой, с какой она его предложила. Сушмита, хорошо говорившая по-англий-

ски и немедленно потребовавшая называть ее «тетей», рыдала белугой, припоминая какие-то детали из моей прошлой жизни в Индии, и мне оставалось лишь кивать, делая вид, что я понимаю, о чем речь. Случайно поймав взгляд Милинда, я прочла в нем сочувствие, смешанное с весельем: он явно забавлялся происходящим, умудряясь при этом сохранять серьезную мину. Больше всего меня потрясли дети, коих в семействе Варма насчитывалось не меньше десятка – все они были вежливыми и послушными и, похоже, действительно обрадовались появлению новой родственницы. Самыми милыми показались мне дети тети Сушмы, Абхишек, тут же попросивший называть его Аби, и Сурья.

– А кто та тихая девушка, в углу? – поинтересовалась я у Милинда, когда все, кого считали нужным, были мне представлены, и Сушмита пригласила нас к столу, накрытому в саду.

– Чхая, я вам о ней говорил.

– А почему она не подошла?

– Она – не член семьи, вы же понимаете, – пожал плечами Милинд. – Правда, ваш отец относился к ней, как к дочери, но теперь, с вашим приходом, она не знает, чего ожидать.

Наверное, следовало подойти к этой Чхае, успокоить, сказать, что для нее ничего не изменится, что все останется, как при отце, но слишком сильна оказалась эмоциональная нагрузка в этот день, еще только начавшийся. Ничего, подумала я, еще успею поговорить с ней – Чхая кажется девушкой разумной и симпатичной, поэтому, скорее всего, она извинит меня.

Только теперь, валяясь на мягкой постели, я поняла, что вчера меня пощадили, не нагрузив сразу же всеми проблемами, а их у семейства пруд пруди. За столом говорили только по-английски, даже детишки, а тем, у кого возникали трудности с переводом, помогал сосед справа или слева. После обеда Сушмита показала мне мои новые владения – странно звучит: «мои новые владения», и все же это правда, а я никак не могу привыкнуть к тому, что все здесь отныне принадлежит мне одной! Почему отец принял такое неординарное решение и оставил все свое состояние дочери из России, которую не видел двадцать семь лет? Это еще предстояло выяснить, как и то, насколько пострадали остальные члены семьи, рассчитывавшие на приличный кусок от наследства и ничего не получившие! Главным образом меня интересовал мой братец, в данный момент сидящий в кутузке, ведь именно ему, казалось бы, должно достаться богатство, неожиданно и, как наверняка считает большинство проживающих в поместье, несправедливо свалившееся на меня.

Так что у меня имелись основания для того, чтобы чувствовать себя не в своей тарелке, потому-то я и не торопилась подниматься. Однако весь день в постели не проваляешься! На стуле висели джинсы и футболка – слава богу, домочадцы решили не искушать судьбу, наряжая меня в национальные одежды! Кстати, я заметила, что сари носили только старшие члены семьи, а более молодые одевались так же, как и везде, и это открытие принесло мне хоть какое-то облегчение.

Выйдя в длинный коридор, я медленно двинулась по нему в направлении лестницы. Хотя я и отказываюсь себе в этом признаваться, мое тело, в отличие от мозга, все же кое-что помнит, потому что я не заблудилась, несмотря на громадные размеры дома. Уже на подходе я услышала странные мелодичные звуки, доносящиеся с первого этажа. Подойдя поближе и перегнувшись через перила, я увидела сидящих на полу женщин, облаченных в сари и с покрывалами на головах. Сидели они перед большой мраморной скульптурой какого-то бога – или богини, установленной в нише и увешанной цветочными гирляндами. Моя бабушка находилась ближе всего к роскошному алтарю, возле которого курилось множество ароматических свечей, и их запах, приятный, но удушливый, поднимался кверху. Мамта-джаан пела, остальные женщины сидели молча, сложив руки лодочкой.

– Молитва богине Лакшми – обычный утренний ритуал, – услышала я тихий голос и, обернувшись, увидела, что рядом стоит Чхая. За обедом и ужином девушка сидела в дальнем

конце стола, и мы не имели возможности перекинуться даже парой слов. Теперь выясняется, что она отлично говорит по-английски.

– Я поздновато поднялась, да? – улыбнулась я ей, и Чхая, в глазах которой настороженность постепенно таяла, робко улыбнулась в ответ.

– Уже половина девятого! – ответила она. В ее словах отсутствовал упрек, но я поняла, что в этом доме привыкли вставать ранехонько. Очень плохо, потому что я люблю поспать, но со своей сумасшедшей работой последние лет десять страдаю хроническим недосыпом.

– Но вы, конечно, можете спать столько, сколько захотите! – тут же добавила Чхая, краснея. – Теперь вы – хозяйка, и вам решать. Я только... Я хотела спросить...

Девушка все никак не могла закончить фразу, и я подбодрила ее:

– Ну, Чхая, о чем ты хотела спросить?

– Вы знаете, как меня зовут?! – изумленно распахнула она глаза.

– Конечно. Так что за вопрос?

– Может, вы захотите, чтобы я съехала?

– С чего ты взяла? Отец хотел, чтобы ты жила в этом доме, значит, так тому и быть!

Облегчение, отразившееся на лице Чхай, сказало мне, что я сейчас, как бы шутя, решила ее судьбу, и мне стало неудобно, ведь никто никогда от меня не зависел. С шестнадцати лет, после смерти мамы, я стала самостоятельным человеком, одиночкой, вынужденной, как та лягушка, барахтаться в молоке в попытке сбить масло, чтобы не утонуть.

– Может, мне следует спуститься и посидеть с ними? – неуверенно поинтересовалась я у своей собеседницы.

– Мамта-джаан будет очень рада, если вы это сделаете! – просияла Чхая.

Тяжело вздохнув, я спустилась по лестнице, стараясь ступать как можно тише, чтобы не потревожить молящихся, и уселась по-турецки позади всех, надеясь остаться незамеченной. Тем не менее два человека меня все же увидели – сама бабушка, глаза которой потеплели при виде меня, и Сушмита, пославшая мне быструю улыбку и одобрительный кивок. Чхая неслышно опустилась рядом. Бабушкин голос убаюкивал, и я почувствовала снисходящее на меня умиротворение, на мгновение ощутив, что нахожусь среди своих, хоть и вижу этих людей всего второй раз в жизни.

– Я так рада, что ты присоединилась к нам! – воскликнула Сушма, как только бабушка закончила петь и подала знак всем присутствующим, знаменуя окончание священнодействия. Тетя взяла меня за руки и поднялась на цыпочки, вглядываясь в мое лицо. – Какая же ты высокая! – добавила она с завистью. – Можешь не носить каблуки, а вот я...

Бабушка стремительно приблизилась к нам и обняла меня. Не привыкшая к такому откровенному проявлению чувств, я с трудом сообразила, что нужно вернуть объятие. Она что-то сказала мне и посмотрела на Сушмиту, прося переводить.

– Сейчас мы кое-куда пойдем, – сказала тетя. – Тебе обязательно нужно это увидеть.

Заинтригованная, я двинулась за Мамтой-джаан, по-прежнему не выпускающей мою руку. Мы поднялись на второй этаж, прошли два коридора и оказались в круглом помещении, напоминающем главный холл, только чуть поменьше. По кругу располагались двери, и бабушка подвела меня к одной из них. Толкнув дверь, она вошла и пригласила меня сделать то же самое. Сушма семенила позади. Комната оказалась прямо-таки королевских размеров спальней с широкой кроватью, такой же красивой резной мебелью, как и во всех остальных помещениях, и пушистыми узорчатыми коврами, устилающими пол.

– Туда смотри, – Сушмита тихонько толкнула меня в бок, указывая взглядом направление. На стене напротив кровати висел большой масляный портрет, сделанный так искусно, что я поначалу решила, что это фотография.

– Но это же...

– Ты! – рассмеялась Сушмита. Мамта-джаан вторила ей, покачивая головой.

Женщина на портрете и в самом деле так походила на меня, что, казалось, я смотрюсь в зеркало. Но постепенно я стала замечать различия. Во-первых, ее глаза были темными, как южная ночь, да и волосы, заплетенные по индийской моде, гораздо темнее моих, почти черные. Она также была смуглее, но черты лица – нос, брови, скулы – все это было *моим*!

– На самом деле это – твоя прабабушка, – перевела Сушма слова Мамты-джаан. – Мы и сами не ожидали, что снова встретим Кундалини-джаан, но, как только увидели тебя, поняли, что никакой генетический анализ не нужен: ты – Варма, и твое лицо, твои глаза и фигура полностью это доказывают!

После завтрака, сидя с бабушкой и Сушмой в качестве переводчика в гостиной, сплошь уставленной длинными мягкими диванами, я услышала много интересного о прабабушке Кундалини. Она вышла замуж в пятнадцать лет – так было принято в те времена. Ей повезло: богатый муж взял ее почти без приданого, но он был намного старше. Тем не менее, если верить Мамте-джаан, Кундалини любила его и родила троих детей. Рано овдовев, она оказалась перед тяжелым выбором: выйти замуж вторично, передав дела новому супругу, или встать во главе семьи и занять место мужа, богатого землевладельца, ссужавшего деньгами всю округу. И прабабушка выбрала второе. Во времена, когда женщина занимала место далеко позади мужчины, это было нелегко, но Кундалини обладала железным характером – она справилась. Прабабушка выучила всех своих детей женского и мужского пола и дала им высшее образование. После нее во главе семьи встал старший сын, брат Мамты-джаан, а после его смерти, за неимением у него детей, все перешло к ее сыну – моему отцу. Тому участь землевладельца казалась незавидной, тогда большая часть их стремительно беднела, не имея ничего, кроме земли. Требовалось осваивать новые области, и отец выбрал медицину.

– Это просто дар судьбы, что ты появилась, – говорила бабушка через Сушмиту. – И так похожа на маму Кундалини!

И тут я решилась задать вопрос, который давно крутился у меня на языке.

– Мамта-джаан... – начала я, но бабушка прервала меня нетерпеливым жестом:

– Нани, – сказала она.

– Зови ее бабушкой, – пояснила Сушмита. – «Нани», поняла?

– Хорошо... *нани*, – согласилась я. – Скажите, почему папа выбрал меня? У вас же есть... по крайней мере, были два внука!

Бабушка погрузилась.

– Твой отец считал, что по-настоящему у него есть только один сын, Аамир, – вздохнула она, отводя глаза к окну, за которым пышно цвели азалии. – Он и в самом деле был милым мальчиком, очень целеустремленным, трудолюбивым, и мой сын считал, что лишь он способен возглавить семейный бизнес. Аамир был светом в этом доме...

Слезы навернулись на глаза Мамты-джаан, но она тут же сморгнула их и продолжила:

– Аамир погиб. Он домой ехал из Дели, и тормоза внезапно отказали. Машина рухнула с обрыва.

– От тела нашего бедного Аамира почти ничего не осталось, – всхлипнула Сушмита: я уже успела заметить, что в этом семействе ее легче всего растрогать – любой повод сойдет, а уже тем более такой серьезный, как гибель двоюродного племянника. – Твой папа едва с ума не сошел, когда узнал!

– А как же Санджай, мой второй брат? – спросила я.

– Санджай...

Бабушка произнесла его имя так, словно оно одно уже о многом говорило. Возможно, и так, но я-то человек новый!

– Санджай – хороший парень, – начала переводить Сушмита бабушкины слова. – Правда, он никогда не любил учебу, но Пратап заставил его окончить Кембридж. Санджай не хотел быть врачом, поэтому поступил на менеджмент, однако эта профессия ему тоже не нравилась,

и он предпочитал проводить время с друзьями в ночных клубах, барах и на вечеринках. Все кончилось тем, что Пратап лишил его содержания, но даже это не остановило Санджая: он быстренько подыскал себе приработок в качестве модели и стал зарабатывать неплохие деньги.

– Мой брат – модель?!

– Был, – поправила Сушмита. – Но у Санджая и в самом деле исключительные внешние данные, поэтому он три года проработал в одном известном британском глянцево-м журнале.

В ее голосе звучала гордость за племянника, хотя, думаю, в семье полагалось его осуждать за неподобающую положению профессию.

– Университет он с грехом пополам окончил, – продолжала бабушка. – Журнал предложил ему продлить контракт, и Санджай склонен был согласиться, но Пратап встал на дыбы. Пришлось ему возвращаться... Ох, сейчас я считаю, что это была страшная ошибка моего сына: если бы он не настоял на возвращении Санджая, мальчик не оказался бы в тюрьме!

– За что же его посадили, *нани*?

– Есть свидетели того, что твой отец страшно поругался с Санджаем накануне своей гибели. Они постоянно цапались, но в тот день, говорят, они едва не подрались!

Переводя это, Сушмита выкатила глаза так сильно, что я испугалась, как бы они не выпали из орбит.

– И что, только поэтому его арестовали? – не поверила я.

– Нет, не поэтому, а из-за оружия.

– Оружия?

– У Санджая есть пистолет. Не знаю, где он его достал: в этом доме полно мечей, сабель и ружей, но все они коллекционные – твой папа любил такие штуки, хоть я этого и не одобряла. А у Санджая был пистолет.

– «Глок», – подсказала Сушмита.

– Да, – подтвердила бабушка. – Незарегистрированный, но никто из нас об этом не знал, пока полиция не пришла за Санджаем. При обыске обнаружили и пистолет – тот самый, из которого застрелили Пратапа, и патроны к нему.

– А все остальное – к примеру, следы пороха на руках, одежде? – спросила я.

– Я ничего этого не знаю! – развела руками Мамта-джаан.

– Она была в таком шоке, что сейчас с трудом вспоминает происходившее в тот день, – пояснила Сушма. – К счастью, Милинд взял на себя все заботы о похоронах, потому что в тот момент в доме находились одни женщины, если не считать слуг. Но даже Милинд не сумел сделать так, чтобы Санджая отпустили под залог – как ни старался он, как ни бились Баджапай, все оказалось бесполезно! Думаю, дело в том, что комиссар полиции Агры с самого начала был настроен против нашей семьи.

– Почему это? – удивилась я. Все выше описанное казалось мне детективной историей, взятой из какой-то книги или фильма.

– Это связано со строительством новой клиники. Сейчас земля вокруг Таджа активно сдается в аренду, и Пратап подсутился, чтобы получить приличный ее кусок под новую клинику. Это – очень престижное место, как ты понимаешь, поэтому конкуренция огромная, и, похоже, твой отец перешел дорогу брату комиссара, намеревавшемуся открыть там торгово-развлекательный центр.

Господи, как же все это мне знакомо!

– Самое ужасное, – сказала между тем Сушма, – что Санджая обвиняют не просто в убийстве отца – тогда адвокаты Баджапай попробовали бы доказать состояние аффекта и он получил бы не такой большой срок. Но нет, твоего брата обвиняют в *заказном* убийстве!

– Считают, он нанял кого-то?

– Именно! Подозревают Дипака Кумара – это местный социальный активист. Он метил в большую политику и считал своим долгом подзуживать народ против строительства клиники

Пратапа. Понимаешь, Индира, на земле вокруг Таджа живет и работает куча народу – ткачи, резчики по камню, фотографы, зарабатывающие тем, что снимают туристов на фоне мавзолея, а также там располагаются многочисленные сувенирные лавочки. Городское правительство хочет избавиться от трущоб, от всей этой бедноты, уродующей окрестности Таджа. Они собираются разбить там сады и парки. Против клиники аюрведы возражений не возникало – в конце концов, это направление медицины очень популярно в Индии и за рубежом, и чиновники рассчитывали, что хорошая клиника привлечет дополнительных туристов. Так же думал и твой папа, но такие, как Дипак Кумар, умеют только орать на митингах и мешать любому хорошему делу!

– Но куда же денутся люди из трущоб? – задала я вопрос.

– Для них разработана программа переселения, ведь нельзя же просто выкинуть людей на улицу! И все прошло бы нормально, если бы не Дипак Кумар, постоянно мутивший воду. Он забросал муниципалитет петициями с подписями жителей трущоб, заставлял их устраивать пикеты. А потом Пратапа убили, и полиция полагает, что для этого Санджай нанял Дипака Кумара, который, между прочим, со дня убийства находится в бегах... Я верю, что Дипак Кумар пошел бы на все, чтобы добиться своего, но вот в участие Санджая не верит ни один человек, который хоть сколько-нибудь с ним знаком!

– По-моему, все это звучит глупо, – заметила я. – Допустим, Санджай убил папу не сам, а решил кому-то заплатить. Тогда зачем он отдал киллеру свой пистолет? Хорошо, может, он сделал это, так как оружие не было зарегистрировано на его имя, и определить его принадлежность было бы невозможно – тогда почему пистолет все-таки обнаружили в доме?

– Все это верно, – раздался голос у меня за спиной. Это оказалась Анита, моя мачеха и, соответственно, мать Санджая. – Но комиссару важно не истину найти, а наказать нас, Варма!

Интересно, как давно она здесь стоит? Удивительная женщина: несмотря на то, что ее сын находится под следствием, она выглядит так, словно полностью готова к съемкам для программы типа «Самые знаменитые дома мира»!

– Если бы ты могла помочь вытащить Санджая из тюрьмы! – воскликнула Анита.

– Не представляю, как это у меня получится! – пробормотала я. – Но стоит, по крайней мере, попытаться. Я хочу познакомиться с Санджаем и сама с ним поговорить. Как думаете, это можно устроить?

– К нему никого не пускают, – покачала головой Сушмита. – Во всяком случае, никого из нас.

– И все-таки я попробую, если, конечно, адвокаты Баджпай мне подсобят, – упрямо сказала я.

– Ну, разве она не настоящая Варма? – хлопнув себя по коленям, с гордостью воскликнула Сушмита, обводя присутствующих взглядом.

– Если ты и в самом деле так считаешь, – сказала Анита, – я попрошу Милинда сопроводить тебя и позвоню Баджпай. Но этот вопрос все равно не решится раньше понедельника.

– Тогда, может, Милинд покажет тебе клинику – ту, что в центре Дели? – предложила Сушма. – Да и столицу посмотришь, а то ведь и видела ее только по дороге из аэропорта!

– Отличная мысль! – согласилась я. Мне и в самом деле не терпелось выяснить, что же это за аюрведа такая, ведь я знала о ней только со слов адвоката. Если уж мне предстоит какое-то время пробыть в Индии, то надо, по крайней мере, узнать как можно больше и о ней, и о деле покойного отца.

* * *

Детище Пратапа Варма могло бы выглядеть и более презентабельно, но Милинд, похоже, гордился, демонстрируя мне клинику, которая стала первой в сети, основанной отцом. Здание

представляло собой небольшую двухэтажную постройку из красного кирпича, со всех сторон окруженную фруктовыми деревьями и цветущим кустарником. Кабинеты были светлыми и просторными, но отсутствие в них какого-либо врачебного оборудования казалось странным. В одном таком кабинете, куда я позволила себе заглянуть, на высокой койке лежал мужчина, а у него над головой был закреплен пластиковый конус. Человек в белом халате сосредоточенно двигал конус, и из его горлышка на лоб пациента лилась какая-то вязкая жидкость, а врач движениями рук регулировал толщину и направление струи.

– Что вам известно об этом виде медицины? – спросил Милинд, когда мы обошли большую часть клиники.

– Да практически ничего, – призналась я. – Хотелось бы выяснить побольше – все-таки этот бизнес кормит мою семью!

– Что ж, попробую вам помочь, – улыбнулся Милинд, и я невольно подумала, что улыбка у него милая, а лицо привлекательное и мужественное – как раз из тех, что мне нравятся. – Возможно, вы слышали о ведах?

– Это, кажется, такие древнеиндийские тексты? – предположила я.

– Верно, – кивнул он. – В них содержатся первые упоминания о медицине и целебных свойствах растений. Атхарваведа – первый индийский текст, связанный с медициной. Один из ее гимнов описывает заболевание проказой, для лечения которой используется аушадхи – растение с черными стеблями и темными пятнами на листьях. Можно сделать вывод, что имеется в виду лишайник со свойствами антибиотика. Таким образом, Атхарваведа может считаться первым текстом, содержащим записи об использовании антибиотиков! Кроме того, в Атхарваведе подробно описаны кости человеческого скелета и многие другие вещи, в то время мало кому известные. По легенде, аюрведа была частью откровения святых мудрецов, которые обрели всеобъемлющее знание о Вселенной около семи тысяч лет назад. В ведах указывается, что Брахма поведал тайны медицины Дакше, одному из богов. Дакша в свою очередь передал знание божественным близнецам Ашвинам, которые стали «великими врачами» и позже изложили его Индре. Индра передал свои знания ученикам, в том числе Бхарадваджае, одному из семи индийских мудрецов.

– И вы в это верите? – удивленно спросила я.

– Я окончил медицинский колледж в Канаде, потом получил степень доктора медицины в Англии, – усмехнулся Милинд. – Я редко посещаю храмы и, по сути, являюсь скорее агностиком, нежели истинно верующим.

Расплывчатый ответ, но в целом предполагающий ответ «нет».

– Я уверен лишь в том, в чем не чувствуется «божественного налета», – продолжал Милинд. – К примеру, в то, что золотой век аюрведы совпадает с расцветом в Индии буддизма. В этот период мы накопили существенные знания о строении человеческого тела. Жизнедеятельность организма рассматривалась через взаимодействие трех субстанций: воздуха, огня и воды. Здоровье понималось как результат уравновешенного соотношения трех субстанций, правильного совершения жизненных отправлений тела, нормального состояния органов чувств и ясности ума, а болезнь – как нарушение этих соотношений. Еще не имея представлений об антисептике и асептике, врачи, следуя ведическим представлениям, соблюдали чистоту во время операций. Хирургические инструменты изготавливались из стали, которую в Индии научились производить в глубокой древности. В процессе операции использовались пинцеты, зонды, катетеры, шприцы, иглы и пилы. Вместо современного скальпеля применялись ланцеты с обоюдоострым лезвием. Кровотечение останавливалось с помощью золы и холода, давящей повязки и горячей воды. В качестве перевязочного материала служили полоски кожи и древесной коры, а бинты из льняной, шелковой и шерстяной ткани пропитывались растопленным жиром. Врачи производили ампутации конечностей, вскрытие брюшной полости, дробили камни в почках, лечили грыжу, восстанавливали носы, уши и губы. Кстати, аюрведиче-

ский способ ринопластики вошел в историю под названием «индийского метода»: кожный лоскут для формирования будущего носа вырезался на сосудистой ножке из кожи лба или щеки. К седьмому веку до нашей эры на севере современной Индии пользовались известностью две медицинские школы. В Таксиле на западе, столице Гандхары, специализацией считалась терапия, а в Каши, на востоке страны, – хирургия. Здесь, в клинике вашего отца, обе эти школы объединены: мы занимаемся и тем, и другим.

– А вы конкретно – чем занимаетесь? – поинтересовалась я.

– Хирургией.

Я почему-то так и подумала: Милинд ироничен, и в нем присутствует жесткость, свойственная почти всем представителям данной профессии.

– Между прочим, – снова заговорил он, – будучи одной из древнейших медицинских систем, аюрведа оказала большое влияние на развитие арабской и европейской медицины. В древности индийские целебные растения морскими и сухопутными торговыми путями везли в страны Средиземноморья и Средней Азии, в Южную Сибирь и Китай. Во времена Ост-Индской компании английские хирурги обучались у аюрведистов искусству ринопластики, но в начале двадцатого века аюрведа пережила упадок. Тем не менее к середине прошлого века традиционная индийская медицина приобрела популярность в Европе, в Соединенных Штатах, в Израиле. А такие базовые процедуры аюрведы, как диагностика по дыханию и пульсу, лечебные диеты, очистительные клизмы, ванны и обливания, вошли в медицинскую практику всех стран.

– А как насчет психотерапии?

– Честно говоря, в аюрведе нет такого понятия: любое отклонение от нормы, в том числе и психическое, приписывается нарушению целостности в системе человеческого организма.

– И как же вы лечите эти *нарушения целостности* – помимо хирургии, конечно?

– Диетой и лекарственной терапией. Мы используем различные рвотные средства, потогонные и слабительные.

– Химического происхождения?

– Нет, в основном животного и растительного, а также минерального, включая драгоценные и полудрагоценные камни и металлы.

– Металлы?!

– Понимаю ваш скепсис, – кивнул Милинд. – Большинство металлов в чистом виде токсичны, и нам об этом известно. Поэтому все они перед использованием определенным образом обрабатываются – например, подвергаются кальцинированию и тому подобное. Ртуть, кстати, проходит восемнадцать этапов приготовления – так что, как видите, все серьезно и безопасно... Ну, настолько, насколько безопасным можно назвать любой медицинский метод, конечно!

– А какие растения вы используете?

– Из самых распространенных – дерево ним.

– Ним?

– Оно считается «божественным». Лекарства, сделанные из него, обладают иммуноповышающими, противовирусными, антидиабетическими и успокоительными свойствами. Туласи также является одним из лечебных растений, обладающих большой целебной силой – приводит в гармонию телесные функции и помогает преодолевать стресс. Медицинские препараты из туласи используются для лечения простуды, головных болей, отравлений и даже малярии... Ну и, конечно же, конопля.

– Что?! – потрясенно переспросила я.

– А что вы так испугались? – рассмеялся он, уперев руки в бока. – Конопля – не только радость наркомана, но и отличное средство, помогающее от многих заболеваний – при правильном применении.

– И что же лечат коноплей? – спросила я.

– Мужское и женское бесплодие, импотенцию, диарею, несварение, эпилепсию... Да, между прочим, даже шизофрению – вам это, как психиатру, должно быть интересно!

Еще как!

– Не волнуйтесь, Индира: конопля присутствует в аюрведических лекарствах не в чистом виде, а в смеси с веществами, снижающими ее психотропный эффект и расширяющими терапевтическое действие. Традиционное аюрведическое снадобье обычно содержит от двадцати до тридцати компонентов. Но, – добавил Милинд, – так как я хирург, а не терапевт или психиатр, то подробнее на тему конопли и всего остального вам лучше поговорить с другими специалистами.

Он явно скромничал: если бы я, не являясь специалистом, знала хотя бы десять процентов того, о чем говорил Милинд, то считала бы себя корифеем аюрведы!

Мы провели в клинике полдня. Покидая кабинет отца, где проходила последняя часть ознакомительного тура, я посмотрела на часы и увидела, что уже половина четвертого – не зря мой желудок бунтует. Словно прочтя мои мысли (а может, это у меня взгляд такой голодный?), Милинд сказал:

– Предлагаю пообедать в каком-нибудь приличном месте!

Я радостно согласилась.

– Лучше всего дойти пешком до Мейн Базара – здесь недалеко. Мы находимся в Пахар Ганже, и Мейн Базар как раз напротив вокзала. Если вы хотите что-то купить, то лучше места нет, а также там полно хороших кафе. Не самое престижное место, конечно, но зато чертовски аутентичное – вам будет любопытно.

– Отличная идея! – с энтузиазмом поддержала я предложение Милинда. Шопинг – моя страсть, удовлетворить которую мне удастся крайне редко, – элементарно не хватает времени. Я бы с удовольствием поглядела на продукцию, предлагаемую на индийских рынках.

До вокзала мы доехали на машине, оставили ее на стоянке и дальше пошли пешком. Перейдя оживленную магистраль, мы сразу же попали на фруктово-овощную улочку, где прилавки ломились от аппетитно выглядывших персиков, маракуйи, винограда и других вкусностей, которым в моем бедном словаре не было даже названий. Мы пробежались по местам, где продавали футболки с вышивкой и цветастые шелковые юбки. Благовония, специи, ювелирные украшения также занимали немалую часть торговых рядов. Глядя на цены, я мысленно переводила рупии в рубли, поражаясь, как же здесь все дешево по сравнению с Питером. Связка бананов, к примеру, стоит всего пять рублей за кило, стакан чая с молоком (редкостная гадость, по-моему, но индийцам нравится) – всего рубль, рис по семь рублей, виноград – по десять и курица стоимостью в тридцать рублей потрясли мое воображение – вот он, рай земной!

– Между прочим, здесь есть аюрведические аптеки, – заметил Милинд, проходя мимо прилавков, где продавались тибетские пледы и шали. – Как-нибудь свожу вас туда – поинтересуетесь ассортиментом.

Когда мы дошли до обувных рядов, Милинд указал на разукрашенную дверь с надписью на хинди вязью, деванагари.

– Это здесь, – сказал он.

Кафе оказалось непритязательным. Кроме меня, женщин здесь не было, и я обратила внимание на то, что некоторые мужчины беззастенчиво на меня глазят, а ведь утром я самым тщательным образом порылась в своих вещах, накануне доставленных Милиндом из аэропорта, и выбрала самые простые мешковатые джинсы и белую футболку! Заметив мое неудобство, Милинд сказал:

– В следующий раз вам лучше надеть шальвар-камиз... Это такой наряд, который, в отличие от сари, не стеснит движений, но зато избавит от похотливых взглядов. Извините, что позволил себе такое замечание, – тут же добавил он.

– Все в порядке, – улыбнулась я. – Вам следовало сразу сказать об этом!

– Я побоялся, что вы сочтете меня нахалом, так как одежда – вещь сугубо личная, а я – не ваш брат или отец, – ответил он.

С каждой минутой, проведенной в обществе этого человека, я чувствовала, что моя симпатия по отношению к нему усиливается. Он вел себя вежливо и обходительно, проявляя теплоту и заботу – заметно, но ненавязчиво. Манеры Милинда мало чем отличались от общепринятых в Европе – во всяком случае, когда он общался со мной. Скорее всего, это потому, что он провел за границей большой отрезок жизни.

Когда подали десерт, хозяин кафе сам вышел к нам и, пожав руку Милинду, что-то спросил.

– Он интересуется, что за красавица сидит со мной, – перевел Милинд.

Я с удивлением осознала, что это неприкрытое, но вполне невинное восхищение мне приятно: восточные люди частенько преувеличивают действительность, когда дело доходит до комплиментов. Узнав, что я – дочь Пратапа Варма от первого брака, хозяин кафе наговорил кучу лестных слов, сказал, что мой отец являлся одним из выдающихся граждан Индии, и его трагическая смерть потрясла всех, кто имел счастье быть с ним знакомым. Затем мужчины принялись оживленно болтать, а я, поинтересовавшись у официанта, где тут туалет, отправилась на его поиски. С другой стороны кафе располагался магазинчик благовоний, и эти два заведения делили один санузел. Для того чтобы туда попасть, пришлось выйти на улицу. Возвращаясь, я случайно стала свидетелем занимательного происшествия. Возле дороги, ведущей от вокзала, в этот момент нагружали небольшой грузовичок. На асфальте стояли ящики с надписью «Fra-gile» по-английски, что означало «не кантовать!» Разгрузкой руководил высокий молодой мужчина, вокруг которого сустились грузчики – смуглые низкорослые индийцы в грязных дхоти, длинных полотняных рубашках, надеваемых поверх штанов. Мужчина был в черных джинсах и футболке. Он стоял ко мне спиной, но я все равно обратила на него внимание – вернее, на то, как выгодно эта футболка обтягивает его мускулистый торс. «Талия танцора и плечи борца, – отметила я. – Редкое сочетание!» Наверное, неприлично вот так стоять и глазеть на кого-то, особенно на мужчину, в стране, где так сильны традиции. Но я все же не могла отказать себе в удовольствии рассмотреть незнакомца получше. Скорее всего, он не индеец: несмотря на загоревшую до черноты кожу, его выщипанные и длинные, доходящие до основания шеи волосы были русыми, а не черными, как у большинства местного населения. Я уже собиралась подняться по ступеням кафе, как вдруг кто-то очень маленький буквально врезался в этого человека, едва не сбив его с ног. Незнакомец за шиворот сгреб мальчонку лет семи и что-то ему сказал. Говорил он на хинди – к его звучанию я успела привыкнуть, хотя вряд ли отличила бы от какого-либо другого языка, ведь в Индии говорят на множестве национальных языков. Значит, я ошиблась, и парень все-таки индеец. Мужчина и мальчик продолжали пререкаться. Все это время мальчуган прижимал к груди нечто розовое, похожее то ли на дамскую сумочку-клатч, то ли на кошелек. Незнакомец протянул руку, и оборвыш неохотно отдал ему предмет. Потом мужчина поднял малыша и засунул в грузовик, сделав грузчикам знак продолжать работу. Едва он опустил брезент на кузове, как откуда ни возьмись нарисовалась группа полицейских в количестве трех человек. Они выглядели запыхавшимися, и форма промокла от пота под мышками и на груди – судя по всему, им пришлось побегать. Возглавляющий группу полицейский обратился к мужчине – видимо, интересовался маленьким беглецом. А-а, понятно: малолетний воришка спер чью-то сумку на рынке – наверное, у какой-то зазевавшейся туристки, – и полицейские погнались за ним. А этот мужик, значит, его покрывает? Я увидела, что мужчина в джинсах отдает полицейскому сумку, что-то при этом объясняя. Наконец он повернулся, указывая рукой в противоположном от грузовика направлении, очевидно, намереваясь ввести полицейских в заблуждение, и я поняла, что мое первоначальное мнение верно: этот человек явно не имел никакого отношения к индийской наци-

ональности – черты лица европейские. Старший полицейский колебался, не зная, верить ли ему, и обратился к грузчикам. Те, в свою очередь, помнили, на кого работают, поэтому, как мне показалось, полностью подтвердили слова начальника. И в этот момент взгляд офицера упал на меня. Решительным шагом он направился ко мне и быстро заговорил.

– Простите, – пробормотала я по-английски, – я не говорю на хинди!

Надо же, принял меня за свою – недаром я так похожа на прабабушку Кундалини! Удивленный, полицейский перешел на понятный мне язык.

– Этот человек, – он махнул в сторону незнакомца, который сделал несколько шагов в нашем направлении и прислушивался к беседе, – говорит, что вор побежал к вокзалу, мадам. Вы видели воришку?

– Вы о мальчишке с сумкой? – уточнила я и поймала напряженный взгляд зеленых глаз незнакомца. – Да, я его видела. Он бросил сумку и рванул к вокзалу – видимо, вас испугался!

Полицейский все еще сомневался.

– Вы – с ним? – спросил он, кивнув в сторону зеленоглазого обманщика.

– Да что вы – я его впервые вижу! – честно ответила я.

– Что ж... Спасибо, мадам, – словно бы нехотя произнес офицер и, повернувшись к своим, подал знак уходить. Преследовать мальчишку смысла не имело: все равно за это время он успел бы убежать далеко, да и сумка уже в их руках, поэтому полицейские не торопились.

Едва они скрылись за поворотом, незнакомец приблизился ко мне.

– А вы здорово врите! – заметил он по-английски. Говорил он очень правильно, но в его произношении чувствовался акцент – возможно, он немец? Я неплохо различаю акценты – музыкальный слух, доставшийся от мамы, хоть в чем-то полезен.

– Ну, куда мне до вас! – пожала я плечами.

– Ему всего восемь, – кивнул незнакомец в сторону паренька, который уже вылез из грузовика, но бежать не пытался.

– Он украл сумку, – возразила я.

– Он виноват, – согласился мужчина и, обращаясь к пареньку, что-то сказал на хинди. Тот низко опустил голову и закивал, как китайский болванчик. Я попросила перевести.

– Я говорю, что, если он еще раз так поступит, то я лично сдам его в полицию и прослежу за тем, чтобы его примерно наказали. Меня зовут Ноа, – неожиданно представился он. – А вас?

– Индира.

– Индира, которая *не говорит* на хинди? – изумился он.

– Это долгая история...

Во время нашего с Ноа разговора я исподволь разглядывала его. Я еще раньше заметила, что он высокий и худощавый, а теперь смогла получше рассмотреть его лицо. Оно тоже было худым, с резкими чертами и такими выдающимися скулами, что о них, казалось, можно порезаться. Крупный нос нисколько не портил общего впечатления и не уменьшал привлекательности живых, очень подвижных черт. Зеленые глаза необычной формы с приподнятыми к вискам уголками... Я собиралась еще что-то добавить, но в этот момент меня окликнули. В дверях кафе стоял Милинд и с подозрением разглядывал Ноа.

– Это вы? – удивленно спросил он. – Что вам здесь надо?

– Разве Дели тоже куплен семейством Варма? – нахмурившись, поинтересовался Ноа.

Так-так, мой новый знакомый явно знает Милинда, более того, он что-то имеет против моей семьи!

– Вас слишком долго не было, Индира, – обратился ко мне мой сопровождающий, игнорируя едкий ответ Ноа. – Я начал беспокоиться!

– Все в порядке, – быстро ответила я: почему-то мне не хотелось, чтобы Милинд сейчас идентифицировал меня. – Мы можем идти!

– Так вы вместе? – ухмыльнулся Ноа. – Странно...

- Что странно? – с вызовом уточнил Милинд. – Между прочим, это – Индира Варма.
- В самом деле?

Улыбка сползла с лица Ноа, и я почувствовала, что он, если и был ранее расположен ко мне, переменил свое отношение, едва Милинд назвал фамилию отца.

- Что ж, нам пора, – сказал мне индеец, спускаясь. – Вы не возражаете?

Его вопрос был обращен к Ноа, загораживающему дорогу.

- Что вы, как можно? – отозвался тот и с шутовским поклоном отскочил в сторону. – Счастливого пути!

Уходя, я оглянулась. Ноа стоял прямо, скрестив руки на груди, и лицо его хранило каменное выражение. Чуть позже, когда мы уже уселись в машину Милинда, я спросила у него:

- Кто этот парень? Ну тот, у кафе?
- А-а... Настоящая заноза в заднице – прошу прощения за выражение!
- У него были неприятности с отцом?
- Вернее сказать, у вашего отца – с ним и теми, кому строительство новой клиники мозолит глаза.

- А Ноа-то какое отношение имеет к папиной клинике? – удивилась я.

- Вы знаете его имя?

- Он представился. И все-таки кто он такой и что за проблемы были у него с отцом?

– Этот Ноа – швейцарский врач, он практикует в Агре в больнице для бедных. Раньше вроде бы работал в Красном Кресте. Говорят, ему пришлось срочно двинуть из Швейцарии, так как он то ли зарезал кого-то на операционном столе, то ли допустил врачебную халатность... В общем, дело темное. Но благодаря его связям больница нет-нет да и получает кое-какие медикаменты и оборудование, так что его здесь ценят.

- Понимаю...

- Вряд ли, Индира! – неожиданно резко оборвал меня Милинд. – Чтобы все понять, надо быть индийцем и вариться в местной среде!

Он замолчал и некоторое время сосредоточенно вел машину. Признаться, я немного обиделась, но чувствовала, что в чем-то Милинд прав: разве я, лишь сутки как приехавшая в эту страну, могу судить других и скоропалительно составлять о них собственное мнение? Но тогда почему бы Милинду говорить не загадками, а объяснить, в чем именно заключаются их «терки» с этим парнем, который на дух не переносит фамилию Варма?

Неожиданно Милинд притормозил у обочины.

- Простите мою вспыльчивость, – тихо попросил он. – Я вел себя непростительно!

- Все в порядке, – ответила я, с облегчением подумав, что наконец-то все выясню.

– Дело в том, что в последнее время все мы – и ваша семья, и персонал клиник Варма – находимся под огромным давлением. С одной стороны – убийство вашего отца, уголовное преследование Санджая, большой общественный резонанс. С другой – дележка земли, на которой ведется строительство. Вы уже в курсе, что на этом месте кое-кто планировал возвести торговый комплекс?

- Да-да, – закивала я.

– И тот человек – не единственный, кто положил глаз на лакомый кусок земли: таких было достаточно, но именно вашему отцу удалось выиграть тендер на постройку клиники. Разумеется, данный факт многим не дает покоя.

- А какое отношение ко всему этому может иметь Ноа? Ведь он даже не гражданин этой страны!

– Наверняка сказать не могу, но мне известно, что он общался с ныне скрывающимся Дипаком Кумаром.

- Тем, кого якобы нанял мой брат для убийства отца?

– Именно. Ноа также не раз видели в толпе людей, выходящих на митинги с требованием прекратить строительство и вернуть землю тем, кто проживал на ней до начала работ.

– Зачем ему это нужно?

– Ну, знаете, люди из благополучных стран испытывают острый дефицит адреналина: у них дома все настолько хорошо, что они прямо-таки рвутся на поиски приключений! Но я не исключаю, что кто-то платит Ноа за его непосредственное участие.

– Кто-то, имеющий отношение к убийству папы?

– Возможно.

Дальнейшая поездка прошла в молчании. Милинд думал о своем, а я размышляла над услышанным. Интересные дела творятся на моей исторической родине! Сама того не ожидая, прибыв сюда, я оказалась в центре настоящей детективной истории.

* * *

Перед встречей с братом я сильно волновалась. Мне казалось, что и все семейство пребывает в том же нервном состоянии, будто не знает, чего ожидать от нашего свидания. Братьям Баджпай стоило немалых трудов добиться того, чтобы меня пропустили к Санджаю, но в конце концов им это удалось. Накануне вечером я отловила Чхаю – эта девушка старалась вести себя как можно тише, но, похоже, была в курсе всего, что происходит в доме Варма.

– Расскажи мне о Санджае, Чхая, – попросила я, усадив ее в комнате Кундалини: я избегала большой гостиной, так как там вечно полно народу, а здесь можно не опасаться, что нас потревожат.

Глаза юной индианки потеплели.

– Санджу – он очень хороший, – ответила она. – Но...

– Но что, Чхая? – подтолкнула ее я.

– Его здесь никогда не понимали, вот что!

– В смысле?

– Он не такой, как все в этом доме... Не такой, каким был Аамир... Нет, вы не подумайте, – тут же сказала она, испуганно глядя на меня, – Аамир был чудесным человеком, очень щедрым, целеустремленным, а Санджу... Он ни к чему особенно не стремился, и потому господин Варма не считал его достойным наследником. Только Санджу на самом деле гораздо лучше, чем все о нем думают, просто он еще не нашел себя, понимаете? Для него важно любить свое дело, а то, чем занимался господин Варма... У него душа к этому не лежала.

– Тебе известно, почему ссорились мой отец и брат в день убийства?

– Нет. Но они постоянно бранились, и поводы были самые разные. К примеру, Пратап-бабу хотел, чтобы Санджу устроился на работу, даже пытался приспособить его к какому-нибудь делу в одной из клиник, но он наотрез отказывался.

– Разве Санджай не менеджер по образованию?

– Да, но это тоже был не его выбор, поэтому он и не хочет ничем таким заниматься!

– Чхая, Санджай – взрослый мужчина, и ему уже давно пора бы определиться с тем, чем он хочет заниматься! – сказала я.

– То, чего он в самом деле хочет, семейство Варма никогда бы не одобрило, – поджав губы, отозвалась девушка.

– И что же это – что-то неприличное?

– Вот-вот, они так и считают! Только разве шоу-бизнес – это неприлично?

– Так Санджай, что же, в актеры хотел податься?!

– Почему в актеры? – удивилась Чхая.

– Ну, он же вроде бы снимался для глянцевого журнала...

– Да, но актером Санджу вовсе не собирался становиться, а то был просто заработок, ведь отец отказался его содержать.

– И о чем же он все-таки мечтал? – спросила я девушку.

– О фотографии. У него хорошо получалось, но отец ни за что не позволил бы ему заниматься таким *неблагодарным* делом!

Значит, проблема не в деньгах и не в наследстве? Мог ли Санджай убить отца, чтобы избавиться от его гнета, ведь тот пытался управлять жизнью сына, не замечая, что парень давным-давно вырос и желает сам принимать решения?

– А хотите посмотреть на его работы? – вдруг спросила Чхая.

– Ты можешь это устроить?

– Я принесу.

Чхая унеслась, как метеор. Подняв глаза на портрет прабабушки Кундалини, я тихо спросила:

– Ну, что скажешь? Тебе, должно быть, известно гораздо больше, чем всем остальным... Неужели кто-то из твоих потомков и в самом деле убийца?

Спокойное, сосредоточенное лицо Кундалини освещало быстро заходящее за окном индийское солнце. На мгновение мне показалось, что ее глаза смотрят прямо на меня, и от этого мурашки побежали по спине: вдруг прабабушка действительно наблюдает за всеми, и за мной в том числе? Да нет, глупости, ведь она – всего лишь картина! Но я где-то слышала, что портреты впитывают энергию тех, кто на них изображен. Таким образом, частичка людей, давно умерших, остается на полотне и начинает жить собственной жизнью... Нет, думать об этом – значит, уподобляться моим же собственным пациентам и тихонько сходить с ума!

Чхая появилась так же быстро, как и удалилась, неся под мышкой планшет.

– Вот они, – сказала она, с превеликой осторожностью кладя его на кровать и развязывая ленточки. – Тут не все, а только те, что мы с Санджу отбирали для выставки...

Девушка тут же прикусила губу и покраснела, поняв, что обнаружила нечто большее, чем мне полагалось знать о том, какие отношения связывают ее с моим братом. Я сделала вид, что ничего не заметила, и принялась рассматривать снимки. Даже ничего не смыслив в фотоискусстве, легко было понять, что передо мной очень хорошие работы. Санджай пытался запечатлеть те стороны жизни, которые не видны невнимательному глазу. Люди на его фото выглядели живыми, веселыми и печальными, молодыми и старыми, занятыми повседневными делами и отдыхающими после тяжелого трудового дня. И все они, как я догадывалась, были бедняками – ни единого человека уровня доходов Варма.

– Кто они? – полюбопытствовала я, разглядывая большой групповой снимок камнетесов. Худые и едва одетые, они сидели на корточках с допотопными инструментами в руках. Их лица, белые от мраморной пыли, приветливо улыбались фотографу, пытающемуся увековечить их будни.

– Они все живут у Таджа, – ответила Чхая, любовно поглаживая снимок. – Санджу часто туда ездил – он говорил, что они являются для него неиссякаемым источником вдохновения. Он считает, что эти люди – настоящие, никем не притворяющиеся. Они делают свое дело и очень трудно зарабатывают на кусок хлеба.

Перебирая снимки, я наткнулась на один, который не ожидала увидеть. На нем были трое – мужчина, женщина и мальчик. Мальчик сидел на лавке, женщина расположилась позади, и лицо ее хранило озабоченное выражение. Мужчина стоял на одном колене перед малышом, и тот, широко открыв рот, позволял ему себя осмотреть. Сразу было ясно, что Санджай сфотографировал врача, пациента и его мать, но не это удивило меня, а то, что человек на фотографии мне знаком.

– Кто это? – спросила я тем не менее у Чхай.

– Ноа, врач, – охотно ответила она. – Он часто навещает пациентов в районе Таджа, у которых нет возможности прийти в больницу самим.

Я заметила, что краешек снимка оторван и, просмотрев оставшиеся, увидела, что некоторые фотографии также повреждены.

– Ты же сказала, что вы с Санджаем готовили фотографии для выставки? – уточнила я. – А это что такое?

– Кое-что странное произошло несколько месяцев назад, в ночь после праздника Дивали, – сказала она, забавно покачивая головой. – Утром я зашла к Санджу в комнату и увидела там такой кавардак – просто словами не описать! А его лаборатория... У него в подвале лаборатория – так вот, ее всю разгромили, представляете?!

– Интересно, кому это могло понадобиться? – удивилась я.

– Сама не пойму!

– Вы в полицию заявляли?

– Да что вы, какая полиция, ведь Пратап-бабу не одобрял занятия Санджу. Если бы из-за этого в дом нагрянула полиция, он бы его в порошок стер! Я просто прибралась там, насколько возможно, и все.

Непонятно. Зачем кому-то переворачивать апартаменты моего братца вверх дном? Более того, особняк Варма отлично охраняется – как посторонний мог проникнуть сюда и устроить разгром?

Кишан Баджаи вызвался сопровождать меня в тюрьму временного содержания, где сидел Санджай. Я дивилась непохожести братьев. Арджун напоминал отца и неприметной внешностью, и серьезностью, тогда как Кишан обладал приятными, правильными чертами лица, спортивной фигурой и отменным чувством юмора, что, несомненно, нравилось женщинам. Я нервничала – в конце концов, не каждый день приходится посещать подобные места даже в своей стране, не говоря уж о загранице, да и первое свидание с единокровным братом – испытание не из легких.

Санджая привели в допросную. На этом настоял Кишан, так как считал, что негоже брату с сестрой общаться через решетку. Кроме того, у меня мелькнула мысль, что адвокат не хотел, чтобы гостя из России увидела, в каких условиях содержат здесь подозреваемых. Несмотря на то, что Санджай действительно имел потрепанный вид, я поняла, почему модные журналы охотно принимали его в качестве модели. Парень оказался на редкость хорош – высокий, стройный и смуглый, с тонкими чертами, прямым носом и большими черными глазами. При виде меня на его лице отразилось крайнее изумление. Он возбужденно обратился к адвокату на хинди, однако Баджаи тут же перевел:

– Он сказал, что я мог бы и не представлять вас – невооруженным глазом видно, что вы – Варма, просто одно лицо с прабабушкой Кундалини!

– Да-да, вылитая Кундалини! – подтвердил Санджай на хорошем английском. – Значит, ты и есть моя сестрица?

Санджай приблизился ко мне и принялся разглядывать, словно я была экспонатом в музее восковых фигур.

– Ну, здравствуй, сестра, – произнес он, наконец, и протянул мне руку. К счастью, обниматься не полез, а то я почувствовала бы себя неудобно. Поэтому я испытала к брату прилив благодарности, пожимая его узкую, сильную ладонь.

– Я вас, пожалуй, оставлю, – вежливо сказал Кишан. – Подожду снаружи, чтобы не подумали, что мы тут заговор затеваем!

Санджай начал с вопросов о членах семьи, особенно о матери и бабушке, и я охотно ответила на них. Постепенно неловкость между нами исчезла, и я спросила:

– Почему ты не спрашиваешь о Чхае?

Мой вопрос застал Санджая врасплох, и краска мгновенно залила его лицо.

– О Чхае? – переспросил он, пытаясь собраться с мыслями. – А что с ней не так?

– Да нет, все так, – улыбнулась я: смущение Санджая означало, что ее чувства, столь очевидные, не остаются без ответа. – Она в порядке.

Я напомнила Санджаю о разгроме в его лаборатории.

– Есть предположения, кто и почему мог это сотворить?

– Понятия не имею! – нахмурился он. – Кому она помешала? Скорее, я мог бы ожидать подобного от отца...

Он замолчал, помрачнев: рано или поздно этот вопрос должен был всплыть.

– А теперь я – подозреваемый номер один! – с горечью добавил Санджай. – Мы с отцом не ладили, но убить его – такое бы мне и в голову не пришло!

– Откуда у тебя пистолет? – спросила я.

– Это – большая глупость. Мне хотелось иметь собственное оружие, потому что в Тадже стало опасно: я купил его на улице у одного наркомана.

– В Тадже, говоришь?

– Чхая, наверное, рассказывала тебе о том, что я часто там бываю... вернее, бывал, – печально закончил он.

– Она говорила, что ты фотографируешь жителей окрестностей Таджа, – кивнула я. – Я видела несколько снимков, и они мне очень понравились.

На лице Санджая отразилось удовольствие.

– Но почему именно Тадж? Моделей везде полно, – заметила я.

– Впервые я попал туда случайно, когда отец притащил меня посмотреть место для новой клиники – видела бы ты, как я сопротивлялся!

– Не сомневаюсь – слышана о твоей «любви» к папиному делу!

– Там я встретил людей, каких не видел раньше – интересных, понимаешь? Тех, для кого деньги и власть – не самое главное в жизни.

– А для отца эти вещи были главными?

– Я так и не понял, что отец ценил в жизни превыше всего, – вздохнул Санджай. – Раньше мне казалось, что это был Аамир. После его смерти он весь погрузился в работу. Меня папа никогда не считал достойной заменой брату... Да я, наверное, и не был таким – *достойным* его любви! – с горечью добавил он, сжимая лежащие на столе руки в кулаки. – Никто не знал, что отец поручил Баджаи тебя разыскать. Вот уж не думал, что он способен на такое – взять и показать большую дулю всей семье, оставив все заграничной дочери!

– Ты меня ненавидишь?

– Ненавижу? – искренне удивился Санджай. – За то, что отец оставил все тебе? Да в гробу я видел его деньги, мне от него было нужно только одно – чтобы он перестал давить и смирился с тем, что из меня не получилось ни врача, ни банкира, и с тем, что я стану заниматься любимым делом! Думаю, я смог бы этим зарабатывать – может, не сразу, но со временем... Так что забудь: я не питаю к тебе ненависти – даже наоборот, рад, что все так обернулось.

– Почему?

– Да потому, что теперь грызня из-за денег закончится, наконец! Ты не представляешь, как наши родичи мечтали откусить кусок от отцовских денег, ведь он всех их содержал, а в семье без малого пятьдесят человек.

– Пятьдесят?! – ужаснулась я.

– Ну да, ведь у отца куча двоюродных и троюродных сестер и братьев, а у них, в свою очередь, дети, также обремененные семьями. Да ты, верно, их видела?

Действительно, в свой первый день мне пришлось познакомиться кое с кем. Они уехали утром, поэтому больше мы не встречались, но мне стало ясно, что это были смотрины: видимо,

остальные родственники ожидали подробного отчета о том, что представляет собой «русская дочь» Пратапа Варма.

– Я не думала, что все эти люди живут на отцовские деньги! – пробормотала я.

– А ты поверь: ни один не добился в жизни ничего путного. Отец пошел в прабабушку, такой же хваткий. И Аамир был таким.

– Вы ладили с братом?

– На удивление, да, – горько усмехнулся Санджай. – Его смерть стала для меня самой большой потерей в жизни. Наверное, мне не стоит так говорить, ведь для большинства гибель отца явилась гораздо большей трагедией, да?

– Я почти его не знала, Санджай, – возразила я. – От детских воспоминаний ничего не осталось, а те, что сохранились...

– Не из лучших? – закончил он за меня. – Отец был непростым человеком, очень властным – немудрено, что твоя мать от него сбежала: только индийская женщина, воспитанная в традиционном духе подчинения мужу, могла бы его вынести!

– Такая, как твоя мама?

– Она не самый лучший образец, и все же – пожалуй, да. Мама научилась не обращать внимания на некоторые вещи, а отец полагал, что она смирилась. Это не так, но то, о чем он не имел представления, его не беспокоило. А брат... Он был единственным, кто по-настоящему понимал и принимал меня.

– Кроме Чхай?

– Кроме Чхай, – согласился Санджай. – Они двое всегда меня поддерживали.

– Хочу тебя вот о чем спросить: из-за чего вы ругались с отцом в день его убийства?

– Значит, ты и об этом знаешь? – хмыкнул он.

– Разумеется, ведь это – основная причина, по которой ты здесь! Так из-за чего вышла ссора?

– Как обычно – не сошлись во взглядах.

– Расскажи?

– У отца были большие проблемы со строительством новой клиники. Я с самого начала был против, потому что оно означало, что всем, проживающим на той земле, придется съехать. Людям деваться некуда, и они пытались заставить городские власти заморозить проект, пока не найдется подходящее место для переселения. Но трудности возникали не только поэтому: каким-то образом к делу оказался причастен Бабур-хан... Ты слышала, что это за фрукт?

– Кажется, кто-то из домашних упоминал это имя, – задумчиво ответила я. – Он из бандитов?

– Точно. Он угрожал отцу, и я был тому свидетелем. Из-за этого мы и ссорились в тот день: отец не хотел признавать, что ему не дадут осуществить проект, а я просил его отказаться от этой затеи и перенести строительство в другое место.

– Это все равно не решило бы проблемы, – заметила я. – Насколько я понимаю, Бабур-хан работает на кого-то, кто также нацелился на данный участок земли?

– Да, но отец, возможно, остался бы жив! – хлопнул рукой по столу Санджай.

– Почему свидетели вашей ссоры утверждают, что отец на тебя рассердился и грозился лишить своей поддержки – не потому же, что ты пытался предостеречь его в отношении этого бандита?

– Потому что я... Он узнал, что я подписал петицию в городской Совет.

– Какую петицию?

– Ту, что требует оставить территорию Таджа в покое. Отец счел это предательством с моей стороны. Он вспомнил Аамира, сказал, что тот был его настоящим сыном, а я... Отец высказал мысль о том, что я никак не могу быть настоящим Варма, потому что во мне нет

ничего от этой семьи, в моих жилах якобы течет другая кровь! Я не выдержал и вспылел – наверное, оскорбил его, был чересчур резок. Он ударил меня, и все это видели.

– Ударил?!

– Ну, пощечину дал, но это было очень неприятно и обидно, потому что несправедливо!

А потом он сказал...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.